

ИСТОРИЯ СИБИРИ XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

А.М. Малолетко

Томский государственный университет

ПЕРВАЯ РУССКАЯ КОЛОНИЯ В СИБИРИ

Проблема неожиданно возникла при разработке темы о сибирской Лукомории и была решена после публикации статьи известного этнографа Галины Ивановны Пелих [1].

Впервые о сибирской Лукомории поведал австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн, который дважды (в 1517 и 1526 гг.) посетил Московию и в 1547 г. опубликовал книгу «Записки о Московии». По описанию С. Герберштейна, Лукомория находится *«...в горах по ту сторону Оби», из лукоморских гор вытекает река Коссин... Вместе с этой рекой берет начало другая река Касима, и протекии через Лукоморию впадает в большую реку Тахнин»* [2, с. 125]. На карте, приложенной к книге С. Герберштейна, Лукомория не показана, но она нашла свое место на картах западноевропейских картографов Г. Меркатора (1595 г.), И. Гондиуса (1606 г.), И. Массы (1633 г.), Дж. Кантелли (1683 г.) и Г. Сансона (1688 г.). Сведения о Лукомории С. Герберштейн почерпнул из «Указателя пути к Печере, Югре и реке Оби», более известного как Югорский дорожник. По-видимому, западноевропейские картографы использовали и другие источники, так как на карте А. Ортелиуса показан населенный пункт Cingolo, а на карте Дж. Кантелли – народ самары (Samariequi), не упоминавшиеся С. Герберштейном. Русской исторической науке и картографии Лукомория не известна.

Лукоморье надежно локализуется в правобережье Оби против устья Иртыша. Здесь в Обь впадают Казым (по С. Герберштейну, р. Коссин) и Назым. В 1692 г. Избрант Идес название последней реки в 1692 г. записал как Казымка, что можно соотнести с р. Касима С. Герберштейна. Лукоморские горы, упоминавшиеся С. Герберштейном, – это западная часть Сибирских увалов, именуемая ныне как Белогорье [3].

Лукоморье, – несомненно, русский географический термин, он широко известен как в северных районах Русского государства, так и на юге. Так, в причерноморских степях между Днестром и Дунаем русскими летописцами выделялись лукоморские половцы [4].

Кто же из русских мог принести в Сибирь этот термин? Новгородцы издавна посещали югорские земли за Камнем и могли перенести туда термин *лукоморье*. Эту версию длительное время разрабатывал М.Ф. Розен [5–6]. Однако полевые записи этнографа Г.И. Пелих позволяют совершенно по-иному решить эту проблему. Г.И. Пелих опубликовала статью о Каяловых, которые пришли в Сибирь еще до Ермака [1].

В кратком изложении статья Г.И. Пелих сводится к следующему. Сибирские Каяловы сохранили устойчивую устную традицию о своей былой родине. Раньше Каяловы жили далеко на западе в теплых степях у теплого моря, в бассейне р. Самара, отчего их называли **самарами**, но почему-то дразнили **паджами**. Каяловы жили по р. Каяла, что значит «коромысло». Название река получила потому, что в среднем течении изгибалась широкой дугой. В жаркое время верховье реки пересыхало, и долина превращалась в балку с названием Волчий Хвост. Нижняя часть реки называлась **Байбалакой**. Владения на юг простирались на расстояние «*одного конского бега*» (75–80 км) до р. Кельчик. К западу от них жили **цынганы**. Ушли Каяловы со своей земли потому, что начались «страшные войны». Но раньше их в Сибирь ушли цынганы. Они селились у слияний Оби и Иртыша. Эти места были известны самарам по рассказам торговцев, которые ходили туда с товарами за пушниной. И действительно, во второй половине XV в. на устье Дона шел обильный торг сибирскими (*sybariscum*) мехами, чему, как сообщает М.П. Алексеев [7, с. 66], свидетелем был Юлий Помпоний Лэт, он же Сабина (1425–1498). Каяловы поселились рядом с цынганами на протоке Иртыша выше с. Самарово. К северу и югу от них жило «остячье». Достоверность преданий Каяловых подтверждается историческими документами и топонимией.

Самары. Так на родине Каяловых назывались жители левого притока Днепра, часть которых ушла в Сибирь. На карте Дж. Кантелли (1683 г.) в правобережье имеется надпись *Samariequi* (самарики), однако источник этой информации нам не известен. По сообщению Е.С. Отина [8, с. 259], коллективная кличка *самарі* и ныне существует у сельских жителей Донецкой области. Название р. Самара известно с XII в. (ПСРЛ, II, изд. 1962 г., Ипатьевская летопись, стлб. 653). Впервые на карту положена в 1538 г. [9]. По легендам Каяловых, с. Самарово на Оби (изначально – Самаровский ям) основано выходцами из Причерноморья. По другим данным [10, с. 245], Самарово основано в послеермаковское время на месте

становища остяцкого князька Самара. Имя князька, возможно, связано с русскими мигрантами из Северного Причерноморья, хотя есть и иные варианты.

Цынганы. Еще на карте А. Ортелиуса (1570 г.) на левом берегу Оби показан населенный пункт *Cingolo* (ныне с. Цынгалы). Повторен он и на карте Г.Л. Анания (1582 г.). Нужно отметить, что в языке хантов вообще нет фонемы *ц*, поэтому топонимы и антропонимы с основой на *ц* не связаны с хантами. Этот топоним имеет русское происхождение и связан с цынганами, соседями Каяловых на их родине в Северном Причерноморье. Возможно, цынганы останавливались в низовье р. Пышма, притоке Тобола (между с. Червишево и ст. Винзили). Здесь имеются две реки с названием Цынга. На Сургутском листе Чертежной книги Сибири, составленной до 1701 г. С. Ремезовым, на правом берегу Иртыша в его нижнем течении показаны «домики», сопровождавшиеся надписью «Цынганы», а рядом – река Цынга, вытекающая из озера. На этом же листе у Сургута против устья р. Бол. Юган имеется надпись «Цынгапай», относящийся к острову (хант. *päj; paij* – остров). Примерно 150 лет назад по р. Демьянке стояли остяцкие юрты Цингинские [11]. В 1928 г. зафиксированы юрты Цингинские (Цингалинские) из пяти дворов в 2 км от дер. Горная Суббота (Уватский район Тюменской области). Когда-то в низовье Чулыма (приток Оби) стояла инородческая деревня Цыганова [11, с. 868]. Вряд ли в то время здесь, в селкупской среде, жили цыганы. Скорее всего, можно предположить, что название деревни от этнонима цынган, который по непонятности своей упрощен до более привычного «цыган». Сравнительно недавно, в послевоенное время, на государственной карте СССР были показаны «юрты Цынганины» на левом берегу Бол. Югана и «изба Цынганина» на р. Керпетьмуль, примерно в 140 км выше избы Цынганина. Возможно, потомком русскоязычных цынган был казымский остяк (хант) Богдашко Цынгопов – «пущий изменник», который подстрекал вогуличей и самоедов не платить ясак [10, с. 202]. В списке населенных мест Екатеринославской губ. за 1858 г. [12] упомянуты три населенных пункта, расположенные по р. Самара и, возможно, связанные с цынганами: 1) Цыгановка (34 двора, 240 жителей), 2) Цыгановщина (57 дворов, 511 жителей), 3) Цыгановка (два двора, 28 жителей). Не исключено, что постепенно этноним (кличка?) цынганы забылся и названия населенных пунктов ассоциировались с цыганами. Цыгане пришли на Украину из Молдавии поздно – в XVI–XVII вв., в Екатеринославской

губ. отмечены в 1791 г. [13, с. 25]. Вряд ли менталитет цыган позволил им создать постоянные населенные пункты из 500 жителей. К тому же при описании народов, населявших в 1858 г. Екатеринославскую губ. (ныне Днепропетровская область), цыгине вообще не упомянуты. Думается, что деревни Цыгановка (две деревни) и Цыгановщина – это память о давних цыганах. Такая судьба была и у названия инородческой деревни Цыганова на Чулыме.

Каяловы. Фамилия эта прошла столетия, сохранившись до сих пор в Томской области, а также в названиях населенных пунктов и рек. Томилко Каялов, остяк Белогорской волости Байбалакинских юрт, упоминается в документах конца XVII в. [14]. В документе от 30 июня 1692 г. *«...ясаиные остяки Белогорской волости Байбалакинских юрт Томилко Каялов с товарищи поступились за свой долг... вотчинной земли своей от Самаровского Яму вверх по Иртышу реке выше Тимошкиных юрт, а ниже Базьяновых...»* С приходом казаков Каяловы ушли на восток. По-видимому, они надолго осели в Нарымском крае. Селькуп Павел Ксенофонов Каялов жил в 1841 г. в юртах Конкиных [15] у Нарыма и в 15 верстах ниже юрт Куяльских (Куяльцы). Современный приток Оби р. Пыжина ранее носила название Куялова. Каяловы проникли на р. Тым. Г.И. Пелих [1] сообщала, что в 30-х гг. на Тyme жил русский Иван Леонтьевич Каялов. На государственной карте, составленной по топографическим материалам на 1933 г., на левом берегу р. Тым между инородческими юртами Лымбель-Корамо и Пыль-Корамо показана деревня Каялова. Она была населена русскими, и в перечне инородческих поселений по р. Тым не значилась [16, с. 157]. В своем движении на восток отдельные группы Каяловых достигли Туруханского края. Старики-селькупы Тазовско-Туруханского междуречья еще в 1970 г. помнили, что *«в нижнем углу между Баихой и Туруханом жили какие-то Куялы»*, которых еще звали Иваны [1, с. 78].

Паджа. Этот малоизвестный этноним выходцев с Самары был зафиксирован на Оби в названии протоков и населенного пункта. По записям Н. Спафария, сделанным в 1675 г., около устья р. Кеть была известна протока Паджина и юрты Паджины (ныне названия утеряны). Возможно, современное название правого притока Оби – р. Пыжина (впадает почти против Каргаска) также связано с паджами. Более раннее ее название – Куялова (>Каилка).

Байбалака. Так на родине Каяловых называлось нижнее течение их реки. В Сибири Каяловы называли протоку, на которой они поселились. Протока отходит от Иртыша и впадает в Обь ниже

главного ее устья. Показана она на карте в работе Хр. Лопарева [14]. И ныне она известна под таким именем даже в официальной гидрологической литературе. Н. Спафарий в своем путешествии 1675 г. отметил Байбалаковское плесо на р. Оби несколько выше устья Тыма [17]. Похоже, это название ныне утеряно. Этимология топонима Байбалака, возможно, исходит из тюркского языка – «богатая рыбой». По-видимому, это качество проток Иртыша и Оби и побудило выходцев с р. Самара дать им такие имена.

Тор. В Причерноморье такое название и ныне носит правый приток Северского Донца. По сообщению Г.И. Пелих [1, с. 76], р. Чижалка системы р. Васюган (Томская область) называлась Каяловыми Тор: *«Это хорошая, богатая река, Остяки называют ее Чижалкой, а мы называем река Тор».*

Попутно... 1. По нашему мнению, р. Каяла, при которой произошла битва северского князя Игоря с половцами в 1185 г., воспетая в «Слове и полку Игореве», это нынешний левый приток р. Самара – р. Волчья. Произошла следующая трансформация топонима: Волчий Хвост → Волчьи воды [9] → Волчья. Сражение князя Игоря с половцами произошло при впадении в Каялу (=Волчью) р. Ялы (левый приток Волчьей).

2. Челдоны (чалдоны) – так до сих пор именуется часть ранних русских насельников Сибири. Этимология этой «кликухи» до сих пор не выяснена, но связь с Доном вполне вероятна. У более позднего русского населения сложилось какое-то негативное отношение к челдонам, как к людям недалеким, туповатым. Потомки Устюжаниных и Чердынцевых, выходцев с севера Русского государства, до наших дней воспринимают слово «челдон» как обидное и оскорбительное. В этом усматривается явное расслоение первых русских колонистов на доермаковских (выходцев с юга) и послеермаковских (выходцев с севера Русского государства).

3. О времени прихода самаров в Сибирь можно судить по фольклорным данным. В свадебных песнях русского населения Приобья употребляется слово *комонь* 'конь'. Даже в XX в. сибиряки продолжали распевать:

Тут стояли комони,
Все комони под коврами,
Один комонь не подкован...

В «Слове о полку Игореве (написано вскоре после 1185 г.) *комони* трижды упоминаются и ни одного раза *конь*. Но уже в «Задонщине» (написана в 1380-х гг.) упоминаются только *кони* и ни

одного раза *комонь*. Следовательно, к этому времени слово *комонь* на Руси исчезло из употребления, и, тем более, ермаковские казаки спустя 200 лет не могли принести его в Сибирь. По словам Каяловых, в Сибирь они пришли за 10 поколений (200–250 лет) до Ермака [1], т.е. примерно в середине XIV в. Это было время постоянных княжеских междоусобиц и конфликтов с половцами, на землях которых жили самары-паджи. Из-за этих «страшных войн» последние и ушли в Сибирь.

Заключение. В XIV в. из северного Причерноморья (бассейн р. Самара) в низовье Иртыша переселилась группа русскоязычного населения, которая создала первую русскую колонию, известную в западной литературе как Лукомория. С приходом казаков в послеермаковское время отношения между русским населением и аборигенами осложнились. Из Лукомории на восток ушла часть лукоморцев (самары-паджа), значительная часть которых осела по Оби между устьями рек Тым и Кеть. Некоторые группы самаров (Каяловы) по Тыму ушли к Енисею в бассейн Турухана и Баихи.

Потомки самаров (Цынгаловы и Каяловы) и ныне живут в Томской области.

Примечания

1. Пелих Г.И. Обские Каяловы о реке Каяла // Вопросы географии Сибири. 1995. Вып. 21.

2. Герберштейн С. Записки о Московии барона Герберштейна. СПб, 1866.

3. Малолетко А.М. Сибирская Лукомория – миф или реальность? (опыт палеотопонимических исследований) // Междисциплинарные исследования в археологии и этнографии Западной Сибири. Томск, 2002.

4. Кудряшов К.В. Половецкая степь. М., 1948.

5. Розен М.Ф. Легенда о сибирской Лукомории // Уральский следопыт. 1983. № 11.

6. Розен М.Ф. Географические легенды и ученые // Вопросы географии Сибири. 1989. Вып. 18.

7. Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарии. Иркутск, 1932.

8. Отин Е.С. Об именах и кличках, тождественных топонимам // Этнография имен. М., 1971.

9. Кордт В. Материалы по русской картографии. Киев, 1910. Вып. 2.
10. Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1937. Т. 1.
11. Список населенных мест. Т. 60: Тобольская губ. По сведениям 1868–1869 гг.. СПб., 1871.
12. Список населенных мест. Т. 13: Томская губ. По сведениям 1859 г. СПб., 1868.
13. Друц Е.А., Гесслер А.Н. Цыгане. М., 1990.
14. Лопарев Хр. Самарово село Тобольской губ. и округа: Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. СПб., 1896.
15. Малиновская С.М. Проблема генезиса селькупских фамилий // Традиционное и современное в культурах Томского Севера. Томск, 1999.
16. Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. 2: Тобольская, Томская и Енисейская губ. СПб., 1911.
17. Спафарий Н.М. Сибирь и Китай. Кишинев, 1960.

А.А. Бродников
Новосибирский государственный университет
**РУЧНОЕ ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ
СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ КУЗНЕЦКОГО ОСТРОГА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.**

Процесс присоединения Сибири к Русскому государству занял всего лишь 70–80 лет – случай в мировой истории уникальный. Небольшие отряды служилых людей успешно противостояли превосходившему их по численности противнику (как правило – в несколько раз): не только облагали ясаком этнические группы аборигенного населения таежной зоны Сибири, но и отражали набеги сравнительно хорошо вооруженных кочевников. Традиционно столь успешные действия служилых людей объясняются их опытом боевых действий и военно-техническим превосходством над сибирскими аборигенами, прежде всего – обладанием ручным огнестрельным оружием.

Определенная сложность в изучении вооружения служилых людей связана с крайней ограниченностью сведений, содержащихся в письменных документальных источниках этого столетия, которые иногда фиксируют сведения о количестве артиллерийских орудий, запасах боеприпасов к ним, реже – сведения о запасах

свинца и пороха для ручного огнестрельного оружия. О самом ручном огнестрельном оружии сведения встречаются еще реже, обычно в связи с какими-либо чрезвычайными ситуациями. Некоторую помощь для изучения этой проблемы могут оказать результаты археологических исследований: материалы, полученные при раскопках сибирских острогов и других укрепленных пунктов.

Действительно, огнестрельному оружию отводилась значительная роль – сибирские воеводы получали предписания регулярно демонстрировать его местному населению: по прибытии к месту службы огласить государев наказ в присутствии представителей аборигенного населения, вызвав из волостей ясачных в город «по человеку или по два». Самим же при этом быть в съезжей избе в цветном платье, а служилым людям – в цветном платье и с ружьем. Одновременно наказания сибирским воеводам свидетельствуют, что достаточно пристальное внимание уделялось тому, чтобы огнестрельное оружие не попадало в руки сибирских «иноземцев».

При всей скудости сведений источники дают основание считать, что абсолютное большинство служилых людей было вооружено огнестрельным оружием: практически все столкновения в Сибири происходили с использованием ими пищалей. При формировании отрядов для отправки в отдаленные районы указы требовали от воевод выделять «людей добрых, с вогненным боем».

Перед отправкой проводились смотры, целью которых была проверка наличия у всех служилых людей ружей и их исправного состояния. Они и сами прекрасно понимали важность этого оружия. Жалобы служилых людей на выход из строя ружей встречаются в документации достаточно регулярно: казаки и стрельцы писали в челобитных, что при стрельбе у пищалей «стволы пораздувало» или разорвало.

Ручное огнестрельное оружие должно было выдаваться служилым людям при вступлении на службу. Но в реальности происходило это не всегда. В 1637 г. казаки кузнецкого гарнизона обратились в Сибирский приказ с коллективной челобитной: призваны они в Тобольске и в Томске при тобольском воеводе боярине М.М. Годунове из охочих людей, а государево жалованье, пищали им не выданы: «ружье государево не давалось». Некоторые из них на свои средства смогли где-то приобрести короткие пищали, которые, как оказалось, не могли пробить защитное вооружение кочевников, для обороны Томска от которых и был построен Кузнецкий

острог. Как свидетельствует челобитная, к 1637 г. большинство кузнецких служилых людей так и оставалось без огнестрельного оружия: в окраинном гарнизоне купить его было негде и не на что. Такая ситуация создавала серьезную проблему безопасности самих служилых людей и выполнения ими своих обязанностей – обороны юго-восточного рубежа Русского государства от кочевников.

В Москве срочным образом занялись решением этой проблемы. Так как гарнизон Кузнецкого острога состоял из пеших и конных казаков, то в Сибирском приказе подошли к обеспечению их ружьями продуманно. Для пеших казаков было закуплено в Стрелецком приказе 63 самопала, а для конных в Оружейном приказе приобретен 51 карабин, изготовленный в Заяузской кузнецкой слободе. Карабины были изготовлены незадолго до описываемых событий, и в Сибирском приказе некоторое время ждали установки казенного клейма на все изделия.

Согласно И.И. Срезневскому, автору «Словаря древнерусского языка», «пищаль» – это всего лишь огнестрельное оружие, а «самопал» – пищаль с замком и огнивом. Таким образом, пешие казаки Кузнецкого острога получили от государства фитильные пищали-самопалы, а конные – кремневые карабины.

Этот факт отправки в Кузнецкий острог фитильных самопалов и кремневых карабинов красноречиво свидетельствует о том, что запасы уже морально устаревшего и потому, скорее всего, непопулярного фитильного ружья вполне могли иметься в Стрелецком приказе (и не только Стрелецком). По причине срочности именно это оружие и было отправлено в Кузнецкий острог для пеших служилых людей. В то время как для конных казаков существовала необходимость спешного изготовления партии кремневого оружия или, по крайней мере, выделения недавно изготовленного и еще не клейменого, что и было сделано.

Надо полагать, что служилые люди должны были уметь пользоваться и тем, и другим оружием. Так как стрельба из фитильного ружья требовала большого навыка и постоянной тренировки, это отражалось и на приоритетах при комплектовании подразделений сибирских служилых людей. Не случайно правительство так охотно использовало на военной службе в Сибири пленных иностранцев – «литву», поляков, немцев, черкас. А с середины XVII в. при наборе на службу преимущество стало отдаваться младшим родственникам служилых людей, которые наверняка уже

имели необходимые для этого навыки, по аналогии со стрельцами европейской части России. Как свидетельствовал Г. Котошихин, говоря о стрельцах: «И дети и внуки по ним стрельцы же».

В.П. Клюева

Институт проблем освоения Севера СО РАН (Тюмень)

К ВОПРОСУ О РОЛИ ТАМОЖЕННОЙ СИСТЕМЫ В ОСВОЕНИИ СИБИРИ

(XVII – первая треть XVIII в.)

Необходимость создания таможенной системы в Сибири объясняется значимостью в процессе колонизации новоприобретенной территории для Российского государства. Важную роль в этом играли вопросы торговли и ее регулирования. Первоначально (в конце XVI в.) русское правительство придерживалось политики беспошлинной свободной торговли. Это касалось не только «пришлых» (из Средней Азии и Ногайской степи), но и русских торговцев.

Однако по мере колонизации новой территории, освоении ее природных ресурсов и основании городов происходит становление сибирской таможенной системы. В начале XVII в. на территории Сибири возникает ряд таможен и таможенных застав. Первой открывается таможня в Верхотурье (1600 г.), затем к 1603 г. таможни и таможенные избы появляются в Тюмени, Тобольске, Туринске, Мангазее и других городах. Кроме городских таможен, существовали и таможенные заставы, перекрывающие доступ по второстепенным торговым путям (к примеру, Собская, Киртаская, Кармацкая, Пышминская и другие заставы).

Таким образом, уже в этот период можно говорить о формировании сибирской таможенной системы. Причина ее возникновения и развития состояла в попытке сосредоточения доходов, получаемых от торговли, и в первую очередь пушной торговли, в руках государства. Так, несмотря на существование различных торгово-транспортных путей, связывающих Сибирь, Центральную Россию и сопредельные территории, после открытия Верхотурской таможни предписывалось в Центральную Россию «впредь не ездить иною какою дорогою, кроме как через Верхотурье» [1, с. 52]. Следует отметить, что оформление таможенной системы явилось показателем того факта, что Сибирь уже в начале XVII в. оказывается вовлечен-

ной в систему экономического взаимодействия Центральной России, Средней Азии, Китая и Европы (через Центральную Россию).

В первое столетие освоения Сибири таможенными головами на сибирских таможнях часто назначались жители Европейской России. В начале XVII в. это были «лутчие посадские люди» из Казани и других понизовых городов. В 30-е гг. XVII в. часто тобольскими таможенными головами служили «вятцкие» торговые люди [2, с. 136]. Но уже в последней трети XVII в., с возникновением посадских общин в сибирских городах, большинство должностей на таможне выполняли сибирские посадские люди. Кроме того, они начинают посылаться в таможни других городов, в том числе и в таможни Европейской России. К примеру, в 1717 г. велено было бывшему пушкарскому голове Матфею Петрову «ехать к архангельскому городу для провеживания торгу с мягкой рухлядью» (судя по сохранившимся документам, М. Петров до Архангельска не добрался) [3]. А в 1726 г. тюменские посадские люди выбирали «первостатейного и неподозрительного» человека «из своей братьи» для исправления службы в Екатеринбургской таможне [4]. Приведенные примеры являются не единичными случаями, они показывают широкую территорию назначения на таможенные должности сибирских посадских людей.

С развитием таможенной системы начинает развиваться и система таможенных сборов. В основе сибирской таможенной системы лежала десятая пошлина, взимавшаяся в одинаковом размере во всех городах. Мы не будем подробно останавливаться на анализе таможенных и торговых пошлин Сибири, так как этот вопрос достаточно разработан в литературе [2]. Упразднение таможенных пошлин происходит в конце XVII в. Согласно Новоуставному сибирскому таможенному уставу (1698 г.), большинство таможенных и торговых пошлин было отменено, однако сохраняется десятая пошлина для всех и двадцатая – для иноземцев, приехавших в Сибирь впервые [5], а также некоторые другие пошлины.

Унификация десятой и двадцатой пошлин при въезде в Сибирь происходит в начале XVIII в. К примеру, в 1707 г. был послан указ на Тарскую таможню об осмотре каравана, пришедшего из «калмыцких и бухарских степей»... «и за выезд десятую пошлину они платили сполна ль и буде платили о том в таможне справитца подлинно» [6]. Жители Средней Азии, проживающие в Сибири постоянно (т.е. сибирские бухарцы), в этот период также платили та-

моженную пошлину, идентичную таможенной пошлине русских людей. Например, в 1703 г. тюменский бухаретин Матияр Дасаев был отпущен по слободам Тобольского и Верхотурского уездов. «А с ним отпущено посылки тюменского юртовского бухаретина Алибьяка Ермаметева два пуда воску, с которого воску десятая пошлина взята... в таможе с рубля по гривне в нынешнем 1703 году» [7]. Этот факт объясняется тем, что сибирские бухарцы де-факто считались российскими подданными, не являясь таковыми де-юре.

Иерархия таможен складывается к середине XVII в. Наиболее значимой из них была Верхотурская, далее Тобольская и Тюменская, различающиеся по числу приезжих и товарообороту, а затем другие сибирские таможи. В XVIII в. к ним добавляется Екатеринбургская таможня, выполняющая те же функции, что и Верхотурская.

Через Верхотурье осуществлялась связь Сибири и европейской части России. В 1704 и 1706 гг. были подтверждены указы о проезде исключительно через Верхотурье. Кроме того, в 30-е гг. XVIII в. дорога через Верхотурье была единственной, по которой разрешено было выезжать в Центральную Россию. Однако в это время более удобной дорогой становится путь через Екатеринбург. Так, в 1729 г. тюменский бухаретин Шаба Ашменев, отправляя своих работников на Макарьевскую ярмарку, просил разрешения изменить обычный маршрут: «...понеже купецким людям русских городов повелено ис Тобольска ездить в Русь чрез Верхотурье, а не чрез Екатеринбург, а летнем тележного пути чрез Верхотурье не имеетца... и на тое Макарьевскую ярмонку нынешним летним путем чрез Верхотурье прибыть неможно и путь неспособен... Понеже тот тракт на Макарьевскую ярмонку чрез оной Екатеринбург способен и ближе и путь имеетца тележной» [8].

Тобольск и Тюмень за счет своего местоположения выступали прежде всего связующими звеньями во внутренней сибирской торговле и торговле со Средней Азией и Китаем.

Интересные сведения об участии сибирских людей в торговой деятельности нам может предоставить анализ таможенных выписей. Так, в конце XVII – первой половине (до 40-х гг.) XVIII в. в книгах Тюменской таможни отложились указания на привоз товара из таких населенных пунктов, как Туринск, Китайский острог, Ямышевская крепость, Ирбит, Пелым, Тобольск, Иркутск, Екате-

ринбург, Верхотурье, Нижний Новгород (Макарьевская ярмарка), Ялуторовск, Тара, Уфа, Сургут.

Через Тюмень для торговли отправлялись в Тобольск, слободы Верхотурского, Екатеринбургского и Тобольского уездов. Таким образом, можно утверждать, что торговые маршруты сибиряков пролегали как в близлежащие уезды, так и в Китай, Восточную Сибирь, Центральную Россию и Среднюю Азию. Например, тюменские бухарцы часто выезжали в Уфу (к башкирам) и на Ирбитскую и Ямышевскую ярмарки, а посадские люди Тюмени – на ярмарки и различные города Сибири и Центральной России.

Товары, заявленные на Тюменской таможне можно разделить на несколько групп.

- *Товары среднеазиатского и китайского производства.* К ним следует отнести чай, посуду, ткани (камки, зендени, китайки, бязи, пестрядь, шелк китайский, холст), румяна китайские.

- *Российские и европейские товары.* Встречается упоминание о привозе тканей: сукна нижегородского, костромского и английского, выбойки немецкой. Также из-за Урала привозили оружие, порох, зеркала и бумагу. Из Центральной России также везли некоторые виды продуктов – пшено, сахар, горчицу, винные ягоды, перец, анис, огуречное семя.

- *Товары местного производства.* В большом количестве продавалась и вывозилась кожа красная, черная и яловая. В таможенных выписях при описании количества кожи часто указывается – «своего промыслу и работы». Товарами местного производства также следует считать наиболее распространенные виды продуктов: сало, мед, соль (привозимую из Тобольска и от Ямышевского озера), различные сорта рыбы (щучины, язи, осетры, стерляди, караси), мука (ржаная и пшеничная).

- *Меха.* Нужно подчеркнуть, что закупались и продавались меха почти всех сибирских животных. Особенно часто велась торговля волками, корсаками, лисами-белодушками, белками, горностаями. Есть сведения о торговле шкурами росомов, рысей, выдр, медведей и бобров. Несколько упоминаний касается «заповедного товара» – соболей. Кроме сибирских мехов встречается упоминание о привозе мехов в составе «башкирского товара». Из привозных мехов упоминаются корсаки, волки и лисы.

В записях сибирских бухарцев встречается еще одна интересная категория товара: «башкирский товар» или «привозу из

башкир». Наиболее часто из «башкир» привозился мед и воск, овчина, встречаются единичные упоминания о закупке ткани.

Следует отметить, что выделенные группы в нашем случае весьма условны и приблизительны, так как отнесение товара к определенной категории проводилось на основе таможенного описания с учетом выписи. К примеру, в 1730 г. Енибяк Ермаметев продал в Тюмени розничею воск, «пищую» бумагу, медь зеленую, сандал черный и лавочную мелочь, объявленный по Ирбитской выписи [9]. А в 1727 г. по Ирбитской же выписи Иваном Переваловым было объявлено 220 пудов хмелю, 6 пудов ладану кадильного, 200 аршин сукна английского, 1 пуд семени огурешного [10].

В отдельных случаях есть прямое указание на место изготовления того или иного товара. Например, ковры астраханские, кушаки московские, ножи соливычегодские, ложки вятские плохие, шляпы ярославские плохие, белила ярославские и др.

Но выявить зависимость между местом покупки и ассортиментом привозимого товара достаточно сложно. Товар можно было купить не только на месте изготовления. К примеру, на Ирбитской ярмарке можно было купить товары любого происхождения: из России, Китая, Средней Азии и, разумеется, Сибири. К примеру, Алибяк Ермаметев и Матияр Дасаев объявили по Ирбитской выписи для продажи в «низовых сибирских городах»: 9 пудов меду, 200 арш. холста среднего, 100 арш. пестряди нижегородской, 3 фунта шелку, 3 тюня китайки, 9 зенденей и 9 выбоек Еркецких (Яркендских. – *В.К.*) (1704 г.) [11]. Как видим, объявленный товар мог быть привезен из Средней Азии (зендени, выбойки), Китая (китайка, шелк) и Центральной России (пестрядь), а мог быть местного производства (мед, кожа).

Итак, развитие таможенной системы в Сибири определяло развитие торговых путей и регулировало формирование торговых связей, что имело большое значение для процесса освоения северо-восточных территорий.

Примечания

1. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут, 1993.

2. Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII века. Новосибирск, 1990.

3. ГАТО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 103. Л. 67–68.

4. ГАТО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 125. Л. 3.
5. ПСЗРИ. Т. 3. № 1474.
6. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1102. Л. 1–1 об.
7. ГАТО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 30. Л. 6.
8. ГАТО. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 103. Л. 182.
9. ГАТО. Ф. И-29 Оп. 1. Д. 157. Л. 5.
10. ГАТО. Ф. И-29 Оп. 1. Д. 134. Л. 18 об.
11. ГАТО. Ф. И-29. Д. 29. Л. 4 об.-5.

Д.В. Раев

Институт истории СО РАН (Новосибирск)

ТОБОЛЬСКИЕ КАБАКИ В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII вв.

Тобольский острог был заложен весной 1587 г. на нагорном берегу Иртыша письменным головой Даниилом Чулковым. В 1590 г. острог получил статус города, превратившись в военно-административный центр Сибири. На протяжении XVII в. Тобольск развивался в архитектурном и экономическом отношении. В 1680-х гг., после многочисленных разрушительных пожаров, возводились новые укрепления, стали появляться первые каменные здания. С 1621 г. Тобольск стал еще и церковным центром Сибири, поскольку здесь разместилась резиденция сибирского архиепископа.

В 1628 г. Сибири была разделена на Тобольский и Томский разряды. Тобольск стал административным центром первого. Также город стал в XVII в. центром Верхотурско-тобольского земледельческого района, что обусловило наличие в городе местной хлебной базы для винокурения и пивоварения. На рубеже XVII–XVIII вв. средний сбор зерна в Западной Сибири составлял 2832570 пудов. Из этой цифры 2419650 пудов приходилось на уезды Тобольского разряда и только 412920 пудов – на уезды Томского разряда. Верхотурско-тобольский земледельческий район включал в себя четыре уезда с наиболее развитым земледелием: Верхотурский, Тюменский, Туринский и Тобольский. На протяжении XVII в. тобольский хлебный рынок в Сибири постоянно развивался и являлся самым крупным и устойчивым. Увеличение объемов хлебной продукции к началу XVIII в. связывается с непрерывным возрастанием числа крестьян-дворовладельцев в хлебопроизводящих уездах Тобольского разряда. Земледелием занимались посадские и служилые люди, а также инородцы.

Интересен вопрос о времени открытия первого кабака в Тобольске. И.Г. Прыжов, который одним из первых затронул историю появления кабаков в Сибири, ничего не говорит по этому поводу. Наиболее вероятными, на наш взгляд, являются данные об открытии первого кабака в 1612 г., которые содержатся в сибирском городском летописании. Немаловажно то, что в разных источниках летописного характера содержатся разные сведения о времени открытия в Тобольске кабака. Например, «Описание о поставлении городов и острогов в Сибири...», доведенное до 1698 г., указывает 1612 г. Это самое первое упоминание. Наиболее поздняя дата (1617 г.) приводится в «Записках к сибирской истории служащих...», доведенных до 1702 г.

Скорее всего, разные источники не противоречат друг другу, а речь в них идет об открытии разных кабаков. В расходных винных книгах Тобольска конца XVII в. имеются данные о наличии в городе четырех кабаков, которые существовали отдельно от государственного кружечного двора. Кабаки эти являлись точками розничной продажи спиртного. На кружечном дворе осуществлялась оптовая продажа вина «ис подвалу» и приемка готовой продукции с винокуренных поварен. Тобольская винная книга за 1696/97 г. говорит о том, что кабаки располагались «на горе», «под горою за юртами», у посольского двора и еще один кабак находился также «под горою» и именовался «красным кабаком». Под «горой» скорее всего имелась в виду Алафейская гора на берегу р. Иртыша.

Немаловажная деталь заключается в том, что кабаки в Тобольске в 1620-х гг. временно закрывались. Причиной этому стало то, что жители города «испропились» и им было не на чем «подниматься на службу» и пашню «строить». Так говорят документы XVII в. По всей видимости, кабаки перестали функционировать в промежутке 1623–1630 гг., а затем снова были открыты. До 1622 г. включительно они работали точно, что видно из окладных книг. Последняя запись приходится именно на 1622 г., когда «тоболских кабацких денег, которые не выбраны из долгов помечено донят на целовалниках и на питухах 415 рублей 15 алтын 5 денег». Следующая запись приходится только на 1630 г., когда «с пив явочных пошлин и с неявленного питья заповеди помечено взят 18 рублей 17 алтын 5 денег». Кружечный двор, как место продажи и распределения спиртных напитков, появился в Тобольске, скорее всего, в середине XVII в., когда после реформы 1652 г. эти дворы начали организовываться во всех крупных городах.

Винокурение. На протяжении первой половины XVII в. Тобольск не имел собственной винокурни, а получал подрядное вино из Европейской части страны. Однако внушительная хлебная база позволила воеводе П.И. Годунову (1667–1670) предпринять в Тобольске устройство собственной винокурни. Как известно, именно Годунов проводил политику максимального увеличения государственной прибыли за счет введения новых налогов и сокращения жалования служилым людям, которым вместо хлебного жалования стали выдавать деньги из расчета томских (более низких) цен. Освобожденный таким образом хлеб предполагалось пустить на нужды винокурения. Строительство винокурни началось на устье р. Курдюмки силами тобольских служилых и местных крестьян. Одновременно с этим воевода изъясил у населения всю медную посуду.

По расчетам, эта винокурня должна была производить вина по 6420 ведер в год, что приносило бы ежегодный доход в размере 25680 руб., исходя из цены ведра, равной 4 руб. В планы Годунова входила также организация кружечных дворов в слободах Тобольского уезда.

В начале XVIII в. вино в Тобольске производилось уже на двух винокурнях. Как указывают источники, это была винокуренная поварня «в Сузгуне» и «за рекою Иртышем». Думается, что появление второй винокурни произошло уже в начале XVIII в. В винокуренных книгах за 1693/94 и 1696/97 гг. наличие второй винокурни не отмечено, а объемы производства вина более низкие по сравнению с данными за 1709 г., когда действовало уже две винокурни.

Несмотря на наличие местного винокурения, в начале XVIII в. Тобольск получал и подрядное вино из других городов. Например, в мае 1704 г. на кружечный двор здесь было принято 2878 ведер вина верхотурского курения у верхотурского таможенного ларешного Ивана Собянина. Однако это не было правом, а скорее исключением для начала XVIII в. В 1709 г., когда в Тобольске действовало две винокурни, подрядное вино в город не присылалось.

Производство вина начиналось с приготовления «дрожжаника». Скорее всего, это были дрожжи, с помощью которых и получалась первоначальная брага, из которой в свою очередь в процессе последующей перегонки и получалось так называемое простое вино. При вторичной перегонке «вина простого» получалось «вино двойное» с крепостью примерно в 2 раза большей.

Для приготовления «дрожжаника» использовался ржаной солод, ржаная мука и хмель. Эти ингредиенты в источниках называются «затором». В принципе затор представляет собой смесь дробленых зернопродуктов с водой. Смесь эта предназначена для процесса затирания. В современном производстве существует несколько видов затирания, используются настоянные и отварочные способы. Каким образом это делалось в Тобольске в XVII–XVIII вв., установить невозможно. Однако сама суть процесса затирания остается неизменной с тех пор и заключается в переходе в растворимое состояние экстрактивных веществ из размолотого сырья при использовании воды определенной температуры. Для дальнейшего процесса опять таки использовались ржаной солод, ржаная мука и хмель, а также дрожжи. В 1709 г. в производстве использовалась еще и овсяная мука.

На тобольских винокурнях производилось по несколько больших «варь» в год. «Варя» представляет собой единицу объема алкогольной продукции. Это большой чан для производства вина или пивоварения. Считается, что «варя» имела объем, равный 110–112 ведам. Тобольские «вари» колебались от 103 до 120 ведер.

В 1693–1697 гг. для приготовления одной вари (примерно 115 ведер вина) использовалось по 21 чети ржаного солода и ржаной муки, в среднем по 2 пуда хмеля. Количество затраченных дрожжей варьировалось от 34 до 10 ведер. В 1709 г. на первой винокурне варя состояла примерно из 131 ведра, а на второй – из 89 ведер. Исходя из этого можно утверждать, что на первой винокурне для приготовления одной вари использовалось по 32,3 чети ржаного солода и ржаной муки, 16,1 чети овсяной муки, 3,7 пуда хмеля. На второй винокурне на одну варю выходило по 18 четей ржаного солода, 18,8 четей ржаной муки, 6 четей овсяной муки и 3,25 пуда хмеля.

Сырье («хлебные запасы») бралось из государевых житниц и отдавалось на винокурню. Дрожжи в большинстве случаев поставляла местная пивоварня. Они выкупались у пивных целовальников. В 1696–1697 гг. таким целовальником был Петрушка Ильин. В 1693–1694 гг. вино производилось под непосредственным руководством тобольского сына боярского Василия Грузинцова, а в 1696–1697 гг. под руководством Андрея Буткеева, имевшего тот же чин. Готовая продукция хранилась в подвале, которым заведовал подвальный голова. В 1696–1697 гг. эту должность занимал Иван Шумков.

Тобольская винокуренная книга за 1709 г. подробно расписывает все денежные затраты, связанные с винокурением. На первой винокурне на зарплату «работным людям» и винокуру за год было потрачено 147,42 руб. Еще 84,54 руб. было потрачено на мелкие расходы, а также на корм лошадям, на покупку шаек и черпаков, на починку винокуренного оборудования, на починку печей и на набой на бочки железных обручей. На другой винокурне было потрачено 101,81 руб. на зарплату винокуру, браговару, «подкуркам», и другим «работным людям». На нужды винокурни было потрачено 33,74 руб.

Таким образом, себестоимость одного ведра вина составляла примерно 30 коп. Эти затраты во много раз себя окупали, если учитывать цены, по которым вино продавалось.

Продажа вина и деятельность кабаков. Как уже упоминалось, продажа вина в Тобольске производилась в четырех кабаках. Также вино продавалось и из подвала кружечного двора, куда оно помещалось на хранение. Вино продавалось ведрами, полуведрами и четвертями из подвала (оптовая продажа), а также ковшами, кружками и чарками и фунтами в кабаках (розница). В отношении определения объемов ведра возникают некоторые трудности.

Как указывают источники, отмерялось вино в московское медное «заорленное осмивершковое» *ведро*. Как указывает А.И. Раздорский, в Курске с 1654 г. стало использоваться именно такое восьмивершковое ведро, и его диаметр составлял 22,25 см, а объем был 33–34 ф. (около 13,5–14 л). Можно говорить о том, что в сибирских городах в конце XVII – начале XVIII вв. использовалось такое же ведро, как и в городах европейской части страны, поскольку после реформы кабаков 1652 г. государство стремилось к унификации мер объема винной посуды.

Объем «*штиденезного ковша*» можно вычислить исходя из его стоимости. (3 коп.). В конце XVII в. ведро вина в Тобольске продавалось по 2,76 руб. Получается, что оно вмещало в себя 92 таких ковша. Значит, объем самого ковша – 0,15 л.

Кружка, если исходить из тех же соображений, оценивалась в 35,5 коп. (в денежной системе XVII в. это 11 алтын 5 денег). Исходя из цены ведра, оно вмещало примерно 7,8 кружки. Получается, что кружка – это 1/8 (0,125) ведра или 1,75 л.

Чарка до апреля 1697 г. в Тобольске была старого образца и определить ее объем не представляется возможным. С апреля же

1697 г. из Москвы была прислана новая чарка: «по двести чарок в осмивершковое ведро». Если ведро было объемом 14 литров, то новая чарка – 0,07 л.

Интересен тот факт, что цена ведра простого вина в 1692–1697 гг. оставалась на уровне 2,76 руб. В 1704–1709 гг. цена ведра простого вина составляла 1,2 руб. при продаже из подвала кружечного двора и 1,4 руб. – при продаже в кабаках. Это были указные цены.

Розничные цены двойного вина также отличались от оптовых. С 1704 г. продажная цена ведра двойного вина в кабаке составляла 2,8 руб., а из подвала кружечного двора – 2,4 руб.

Поскольку себестоимость ведра простого вина в это время составляла примерно 28–35 коп., можно говорить о том, что продавать этот продукт было крайне выгодно. Доходы от продажи вина реально могли конкурировать с основными доходами города, которые приносила таможня.

Сумма винных доходов и объемы продажи вина в Тобольске на протяжении 1692–1709 гг. возрастали год от года. Связано это с открытием второй винокурни и общим увеличением объема производства.

Непосредственную продажу вина осуществлял голова кружечного двора и подчиненные ему целовальники. Поскольку продажа вина осуществлялась на четырех кабаках, в Тобольске в рассматриваемое время было четыре целовальника, продававших вино.

С сентября 1692 по апрель 1694 г. головой кружечного двора в Тобольске был Яков Гребенев, а целовальниками Демитко Ступин, Микитка Зеркалцов, Климка Калинин. Последнего в сентябре 1693 г. заменил Кондрашка Климов.

С мая 1694 г. головой стал Леонтий Герасимов, ларешным – Любим Худяков, а целовальниками – Ивашка Решетов, Гришка Шапошников, Гришка Петров и Офонка Корякин.

В 1696–1697 г. при голове Иване Тайшине должность ларешного занимал Семен Светлолобов, а целовальников – Ивашка Кузнецов, Мишка Исаков, Васька Жданов и Кондрашка Ососков.

В 1704 г. таможенным и кружечных дворов головой был Василий Шишелов, а 1709 г. эти обязанности выполнял надзиратель Борис Евреинов.

Интересно то, что лица, продающие вино на одном кабаке в течение месяца, переводились с начала другого месяца на другой кабак. Таким образом происходил постоянный круговорот.

Важной статьёй расхода вина была его посылка в другие сибирские города. На протяжении рассматриваемого периода вино тобольского курения посылалось в Сургут и Березов, где не было развито местное винокурение. 11 мая 1704 г. на кружечный двор Березова из Тобольска было послано 500 ведер вина простого. Вино предназначалось для продажи и было отдано под расписку березовскому сыну боярскому Василию Лихачеву. 14 июля 1709 г. на Березов было послано 1000 ведер вина простого. В Сургут вино посылалось два раза в течение 1709 г. 13 мая было послано 200 ведер для продажи на сургутском кружечном дворе и для раздачи винного жалованья служилым людям. 29 декабря в Сургут было выслано еще 200 ведер для таких же целей.

В начале XVIII в. функционировали кабаки практически во всех слободах, на ямах и заставах Тобольского уезда. В эти слободы также посылалось вино тобольского курения. Вино и пиво посылалось в Исетский, Арамильский и Катайский остроги; в Красногорскую, Маслинскую, Ялutorовскую, Мехонскую, Верхнюю и Нижнюю Ницинские, Чубаровскую, Шадринскую слободы; на Самаровский и Демьянский ямы. В 1704 г. за проданное вино и пиво в слободах было выручено 2037,9 руб.

Выдача винного жалованья. Винное жалованье выдавалось и служилым людям самого Тобольска. В основном вино давалось в честь какого-то церковного или светского праздника. К числу таких праздников, как правило, относилась Пасха, Рождество, именины царя и членов его семьи. Интересный факт выдачи винного жалованья в Тобольске относится к 21 октября 1709 г. В этот день служилым было выдано вино в честь победы над шведским королем. Видимо, речь здесь идет о Полтавском сражении.

Сolidное винное жалованье выдавалось крупным церковным сановникам и воеводам. В августе 1709 г. было выдано в качестве жалованья 200 ведер «впредь на 1710 г.» вина сибирскому и тобольскому митрополиту Филофею. 15 апреля 1709 г. сургутскому стольнику и воеводе В.К. Толстому «про домашней его расход» было выдано 50 ведер вина. Другая подобная выдача произошла 11 ноября того же года, когда князю М.Я. Черкасскому было выдано винное жалованье в размере 300 ведер.

Выдавалось вино также многочисленным ясачным инородцам в награду за уплату ясака. Без вина не обходилось в Сибири ни одно посольство. Например, 24 июня 1704 г. для посольства к

Ямышеву озеру голове Борису Струнину было выдано 6 ведер простого вина.

Открытие кабаков в Тобольске началось в первой четверти XVII в. Они продолжали функционировать и позже рассматриваемого нами периода. Однако значительное развитие производство и продажа спиртного получили в первой четверти XVIII в. Напитки плотно вошли в жизнь сибирских служилых людей и употреблялись ими регулярно. На праздники и за особые заслуги всем слоям населения выдавалось винное жалованье.

О.Г. Юркина

Алтайский государственный университет

**ЗАПАДНОСИБИРСКАЯ СЛОБОДА
В XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв.
(Тобольская губерния)**

В толковых словарях русского языка В. Даля и С.И. Ожегова слобода XVII – первой половины XIX определяется как большое село с «некрепостным» населением [1]. Однако это далеко не полное определение. Исследователи XX в. пришли к выводу, что слобода – это населенный район, состоящий из сел и деревень, подчиненных центральному поселению (слободе), в ряде случаев имеющему важное экономическое, военное и административное значение [2].

Процесс слободообразования в Сибири приходится на первую половину XVII в. и связан с земледельческим освоением региона. Первые слободы возводились по рекам Тура, Ница, Невья, Тавда и Тобол. С укреплением юго-западных границ во второй половине XVII в. появляются слободы на Пышме, Исети с Миасом, Вагаю и Ишиму [3].

Причинами возникновения слобод послужило сельскохозяйственное освоение Сибирского края с целью обеспечения хлебом вновь осваиваемого региона (Усть-Ницынская, Тавдинская, Тагильская и др.), охрана сибирских границ от набегов кочевников (Царев Курган), рудное освоение края (слобода Рудная) [4].

Большинство слобод возводилось благодаря деятельности слободчиков (крестьян, служилых людей), а также воевод и архиепископов. Обладавшие средствами, они присматривали «удобное и незанятое место и били челом об отводе высмотренных земель, о даче памяти слободной, чтоб слобода взводить» [5].

Во вновь созданных слободах крестьяне получали ряд льгот: полное или частичное освобождение от уплаты государственных повинностей, для устройства хозяйств выдавались денежные или натуральные ссуды «на срок и, сверх того, безвозвратные подмоги». Так, например, в Чубаровской и Красной слободах каждый слобожанин получил деньгами по 5 руб., лошадей, коров, овец, куриц, свиней, а также овес и рожь для посева. За пожалованные льготы слободские жители обязались отрабатывать «государеву» десятинную пашню, располагавшуюся возле слободы [6].

Основными чертами слободы было наличие управительской канцелярии (Коркина слобода), торга или ярмарки, православной церкви, проезжих башен и ворот, двора приказчика, государевых амбаров. Для охраны селений возводились «городовое строение, город лежачей в столбах, надолбы, рогатки и ров». В Верх-Суерской слободе имелись два бастиона и одна каланча [7].

Занимаясь изучением вопроса о происхождении вотчинного режима в России, С.Б. Веселовский затронул вопросы, связанные с историей развития слобод, и пришел к выводу, что они были неустойчивой формой поселений, которая постепенно утрачивала свои особые признаки и свойства, разделяя общую участь тяглых земель, либо превращаясь в волость, либо входя в состав волостей с сохранением некоторой особенности и единства, либо растворяясь бесследно в массе других земель волости [8]. Данное суждение характерно и для слобод Западной Сибири второй половины XVIII в. Именно в это время наблюдается процесс образования из слободских поселений городов (из Царева Кургана – Курган, из Коркиной слободы – Ишим), дистриктов (слобода Куртамыш), волостей (Гаринская, Табаринская, Благовещенская), сел (Емуртлинская, Тебеляцкая). Лишь немногим слободам удалось сохранить свой прежний статус (Татьмынская, Бергаматская, Тавдинская, Иковская и др.), при этом часть из них была приравнена к волостям по территориальному принципу (Белозерская, Усть-Суерская) [9].

Благодаря колонизации Восточной Сибири пограничные линии были построены на восточных рубежах Российского государства, что значительно усилило оборонительную способность сибирских границ. В результате чего отпала необходимость в защитных сооружениях у большинства слобод уже в 70-х гг. XVIII в. и они были заброшены [10].

Во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. на первый план выходит экономическое развитие слобод: возрастает роль ярмарок и к 1907 г. их годовой товарооборот составлял до

50 тыс. руб., торговые заведения приносят доход до 170–200 тыс. руб., появляются заводы (салотопенный в Татмыкской слободе, маслодельный – в Утяцкой и т.д.). Активно развивается ремесленное производство: население занимается смолокурением, выделкой саней и телег, заготовкой леса и теса, выгоном смолы и дегтя, производством дровней и т.д. Основным занятием слобожан по-прежнему остается сельское хозяйство, благодаря отмене десятинной пашни получившее больше возможностей в развитии товарно-денежных отношений [11].

Итак, мы видим, что в XVII–XIX вв. основной целью слобод было их экономическое развитие. Возрастает роль не только сельского хозяйства и ремесла, но и заводского производства. На рубеже XVIII–XIX вв. увеличивается роль торговых учреждений, ярмарок и торжков, приносивших слободам значительные денежные доходы.

Примечания

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. ON-LINE. Републикация выполнена на основе 2-го издания (1880–1882); Ожегов С.И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка.

2. Кондрашенков А.А. Курганская слобода в XVIII веке // Ученые записки Курганского пединститута. Курган, 1962. Вып. IV. С. 39.

3. Андриевич В.К. История Сибири. Ч. I. С. 139–143. Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956. С.36–41.

4. ПСЗРИ – 1. Т. 7. № 4518; Указы всеправительствующей, державнейшей, великой государыни императрицы всероссийской, состоявшие с благополучнейшего вступления ее императорского величества на всероссийский императорский престол с 28 июня 1763 по 1763 год. М., 1763. С. 107–108; Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 74–83.

5. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. СПб, 1886. Кн. 1. С. 21; Миллер Г.Ф. Указ. соч. 73–74.

6. Андриевич В.К. Указ. соч. С. 142.; Шунков В.И. Вопросы аграрной истории России. М., 1974. С. 3.

7. Потанин Г. Сведения о числе жителей в Западной Сибири в первой половине XVIII столетия // Вестник Императорского русского географического общества. СПб., 1860. С. 206–222; Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982. 320 с.; Список населенных мест по сведениям 1868–1869 гг. Тобольская губ. СПб., 1871.

С. 43–159; Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII вв. М.; Л., 1946. С. 89–90.

8. Веселовский С.Б. К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926. С. 76; Он же. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 13, 16, 23, 26.

9. Описание Тобольского наместничества... С. 123–124; Список населенных мест... С. CVII–CIX, 43–159; Россия: полное географическое описание нашего отечества. Т. XVI. С. 383–395, 432–434, 439; Васильева А.М. Слобода Куртамыш в XIX веке // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Курган, 1993. С. 35.

10. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. Ч. 2. Кн. 2. СПб., 1786. С. 59–60.

11. Список населенных мест... С. 48, 111, 114; Россия: полное географическое описание нашего отечества. Т. XVI. С. 388, 395, 432–434, 439; Шепукова Н.М. К вопросу об отмене десятинной пашни в Западной Сибири // Сибирь периода феодализма. Вып.2. Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. Новосибирск, 1965. С. 177–184.

Т.В. Копцева

Тобольский государственный педагогический университет

О ВЛИЯНИИ СТАТУСНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

СИБИРСКИХ ГОРОДОВ НА ДИНАМИКУ

ЧИСЛЕННОСТИ КУПЕЧЕСТВА

(на примере Ялуторовска)

Б.Н. Миронов под вертикальной мобильностью купечества понимал изменение статуса купцов, т.е. переход купцов из гильдии в гильдию и в другие сословия, а также изменения в их имущественном положении; под горизонтальной мобильностью – изменение места жительства и сферы приложения капиталов.

Обновление сибирского купечества происходило за счет разных сословий и социальных групп. Роль каждого источника пополнения купеческих рядов в разных городах была различной и определялась как географическим положением, так и административно-политическим, экономическим статусом городов. Так, во второй половине XVIII – первой половине XIX в. основными «поставщиками» купцов Тюмени, Тобольска, Березова были представители мещанского сословия; в Туринске ряды купцов пополнялись ямщи-

ками и мещанами; в Кургане и Ялуторовске чаще крестьянские семьи записывались в купцы.

Динамика численности и состава купечества во многом определялась особенностями развития сибирского города. Первые сибирские города строились на государственной земле и были предназначены для выполнения их военно-стратегических, административных и хозяйственных функций. Это назначение городов сказывалось в выборе мест для их основания. Как правило, сибирские города ставились на берегах крупных рек; в тех местах, где водился знаменитый северный соболь: на берегах реки Тобол появились города Курган, Ялуторовск; при впадении Тобола в Иртыш был основан Тобольск; по реке Туре располагались Тюмень, Туринск; в северном районе на р. Сосьва возник город Березов; и т.д.

Почти все сибирские города возводились близ городков местных жителей: близ татарских поселений были основаны города Тюмень (в 1586 г. на месте Чинги-Тура), Тобольск (в 1587 г. недалеко от Искера), Туринск (в 1600 г. город Мурзы Епанчи), Ялуторовск (в 1639 г. городище Явла-Тура), Курган (в 1662 г. Царево-Городище, на месте, где по преданию находилось стойбище мелкого татарского князя, побежденного Кучумом, с 1782 г. – Курган); на месте бывшей остяцкой деревни Сумгут-вош был основан Березов в 1593 г. (примечательно, что северные города Пелым и Сургут также являлись центрами княжеств: соответственно первый мансийского, второй – местом проживания остяцкого князя Бардака).

Для сибирских городов был характерен поздний генезис и «неусыпное» внимание государственных властей. Так, заселение многих городов регламентировалось царской политикой: например, в 1600 г. началось массовое переселение ямщиков с семьями из России в Верхотурье, на Тагил, в Пелым, Туринск, Тюмень и Тобольск для «устроения ямских слобод». Березов назначался городом, контролирующим сбор ясака в северных районах Зауралья. Туринск, Ялуторовск и Курган входили в города южных земледельческих и животноводческих районов, призванными снабжать продуктами сельского хозяйства всю Сибирь. А крестьянской слободе Ирбиту (основана в 1632 г.) было суждено стать торговым центром общегосударственного значения.

Наряду с крестьянами, ямщиками, разночинцами, военнослужащими определенное место в городах Сибири играло и купечество. Ялуторовску суждено было стать земледельческим цен-

тром, поэтому не удивил тот факт, что из 21 семьи (62 души муж. пола), записавшихся в купечество в 1795 г., 13 были крестьянскими (купцы второй гильдии Кожевниковы, третьей гильдии – Балакшины, Минаевы, Аронькины, Шаленковы, Ждановы, Мясниковы, Белоусовы, Пушкаревы, Осколковы, Баутовы, Черкашенинны (2 семьи)); 8 мещанскими семьями (Ивановы, Ильины, Сажины, Быковы, Полуяновы, Каташовы, Калугины, Щелкуновы). На протяжении последующего периода главным источником формирования купеческого сословия в Ялutorовске оставались крестьяне.

Анализ ревизских сказок показал, что к 1812 г. в Ялutorовске насчитывалось 9 семей купцов (28 душ муж. пола), остальные были записаны в мещанское сословие. Из «старых» фамилий были Сажины, Быковы, Балакшины, Мясниковы, Минаевы, Бронниковы и Кожевниковы, а Семейкины и Посниковы перешли из разряда мещан. Через четыре года в Ялutorовске осталось всего две купеческие семьи (11 душ муж. пола) – Минаевых и Бронниковых. Остальные записались в мещанское сословие.

К 1851 г. число ялutorовских купеческих семей возросло в 17 раз и насчитывало 34 семьи (151 душа муж. пола). Из «старожилов» было 5 семейств – Минаевы, Мясниковы (2 семьи), Бронниковы, Балакшины. Из мещан перешли в разряд купцов 15 семей: Медведевы, Андреевы, Пирчетовы, Полуяновы (2 семьи), Богдановы, Трифановы, Маринины, Четвериковы, Семенченковы, Ильины, Новицки, Злобины, Протопоповы, Мещеряковы; из иногородних купцов – 12 семей: Орловы (из Томска), Маршаловы (из Тюкалинска), Дранишниковы, Кремлевы, Шибалины (из Тобольска), Бушуевы (3 семьи) Ядринцевы, Лукинины (из Тюмени), Пономаревы (из Шадринска), Шешуковы (из Вологды); из крестьян – 2 семьи: Семенины, Смолины.

Состав купеческих фамилий обновился с 1795 по 1851 г. на 91%. Из всех выявленных нами 46 фамилий свою купеческую преемственность более 50 лет сохранили 4 семьи: Балакшины, Бронниковы, Мясниковы и Минаевы. Наряду с мещанством главными «поставщиками» купечества г. Ялutorовска были и иногородние купцы.

Из таблицы 1 видно, что с 1795 по 1816 г. число купеческих семей сократилось в 10,5 раза, что объясняется повышением минимального размера капитала и неустойчивостью купцов третьей гильдии. Причина высокой социальной мобильности заключалась в нестабильности купеческих капиталов. Отсутствие постоянного и гарантированного источника доходов (например, земли) приводило

к систематическому вымыванию из купеческих рядов неустойчивых элементов и ежегодного обновления их состава.

Таблица 1

Динамика численности ялutorовского купечества

Год	Число семей	Число душ муж. пола
1795	21	62
1812	9	28
1816	2	11
1851	34	151

К 1851 г. наблюдается резкий рост числа купеческих семей (с 2 до 34). Это можно объяснить, во-первых, ролью Ялutorовска как земледельческого центра и главного поставщика на сибирский рынок сельскохозяйственных продуктов; во-вторых, с 1838 г. через город проходил сухопутный Сибирский тракт, соединяющий Ялutorовск с другими центрами ремесла и торговли.

Анализируя динамику численности в сибирских городах, можно говорить о достаточно высокой мобильности купеческого сословия, где наиболее неустойчивой группой были третьегильдейцы, составляющие основную массу купцов.

На примере города Ялutorовска можно рассмотреть влияние статусных характеристик города на его социальный состав. Так, расположение в южной земледельческой зоне и на пути прохождения Сибирского тракта определили основной источник пополнения купеческого сословия за счет крестьян и создали условия для развития Ялutorовска как экономического земледельческого центра Сибири.

В.Н. Ильин

Алтайский государственный университет

СТАРОВЕРЧЕСКИЕ «ГАРИ»

НА АЛТАЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Огромный интерес в последнее десятилетие к церковному расколу и староверию как явлению социальному со стороны историков-исследователей обусловлен рядом факторов, актуальность и значимость которых для современной исторической науки трудно недооценить. Во-первых, это возрождение и активизация в нашей стране религии как социального и духовного института. Во-вторых,

староверие представляет собой одно из мощнейших духовных движений в России вот уже на протяжении трех с половиной столетий. В-третьих, староверие представляет собой уникальный социокультурный феномен, сохранивший традиционное русское наследие. Однако в эпоху демократического развития и построения гражданского общества особое внимание заслуживает проблема взаимоотношения государственной власти и официальной церкви с представителями староверческой конфессии, так как более глубокое изучение данного вопроса позволяет проследить двухвековой период отстаивания определенной частью русского населения своих религиозных и гражданских прав.

Политика государственной власти и официальной церкви Российской империи в отношении староверов носила четко выраженный «истребительный» и карательный характер. В их глазах представители старообрядчества являлись не иначе как государственными изменниками, политическими преступниками, раскольниками, еретиками, сектантами, которые «благополучию церковному не радуются», и «...проповедуют: Царю как антихристу не повиноваться, ...в средних и низших классах возбуждают дух недовольства и ропота на высшее сословие и на само правительство» [1, с. 12–13]. Поэтому заслуживавшие анафемы и жестокого преследования, вплоть до их физического уничтожения. Ряд исследователей, Т.С. Мамсик и Н.Н. Покровский, к примеру, отмечают, что ответная реакция сопротивления староверов сопровождалась серьезной социальной и политической борьбой, которая с десятилетиями возрастала и приводила к активному участию их в антиправительственных движениях. При всем нашем глубоком уважении к вышеупомянутым ученым следует отметить, что подобное видение проблемы сопротивления староверов жестоким гонениям со стороны государственных и церковных властей не совсем верно. Староверие – есть в первую очередь религиозное движение, а не антикрепостническое, не антиправительственное. Акты сопротивления староверов, в силу своей конфессиональной этики ненасилия, носили по большей мере пассивный характер, одним из проявлений которого являлись массовые самосожжения – «гари». Крупнейшие староверческие «гари» на территории Алтая произошли в первой половине XVIII в.: Елунинская гарь 1723 г. в ведомстве Белоярской слободы, Морозовская гарь в 1725 г. в Бердском ведомстве, в деревне Новой Шадриной на реке Лосихе в 1739 г., в деревне Лепехиной на реке Чумыше в 1743 г.

В феврале 1723 г. военной командой, посланной властям из города Тары, была разгромлена староверческая обитель «Кузнецкого уезда Белоярской слободы близ деревни Язовой на острове, на Чумыше» [2, с. 241]. Увидев «войной идущих» от разгромленной обители, староверы «в деревни на Ирузовомой, от обители яко два поприща», испугавшись физической расправы со стороны карательного отряда, «совокупищаяся в храмину некую 40 человек и храмину зажгоша» [2, с. 241]. Староверы добровольно были преданы огню.

24 марта 1723 г. к деревне Елунина прибыл вооруженный отряд, преследовавший активного пропагандиста староверческого учения Иоанна. Не имея возможности оказать достойного сопротивления карательным действиям солдат, староверы подожгли деревню. Число сгоревших определяется в 1100 человек, даже если это число и завышено, то Елунинская гарь по числу жертв была одной из самых значительных. «И абие воспеша сладуем гласом умиленными: «Владычице прими молитву раб своих и избави нас от всякия нужды и печали», – и вступишася в приготовления на сожжения храмы, и затворишася дыму тонку восходящу, и потом огонь вожеся вели, слышахуся страдалцы Христовы песни подобны блаженного скончания их поюще. И тако огнепальцы по благочестии, ревнителie, православия поборницы, храбрии Христовы воины, истиннии страстотерпцы, мученицы священнии, подвига благочестиваго поприще проводник, веру Христову целу соблюди, догму церковную праву усветливе, святоотеческое содержание непременно удержавшее, никонианское же злочестие мужески отринувшее, и конец предвидно огнепролиянного тех кровью в славу божию благочестие петлеша, 1100 мученик огнесожжением скончашася лету текущу от Адама 7232-му, марта в 24 день» [2, с. 245] – так рассказывают документы о тех трагических событиях.

2 июня 1725 г. в деревне Морозовой ведомства Бердского острога в доме крестьянина Ивана Морозова была также устроена «гарь», в которой погибли 147 староверов [3, с. 55].

Требуя прекращения насильственного обращения в официальное православие, староверы построили укрепленный лагерь близ деревни Новой Шадриной. Узнав об этом, правительством был послан карательный отряд. После штурма в ноябре 1739 г. староверы были добровольно преданы огню. Сгорело более 300 человек, включая женщин и детей [4, с. 27].

В 1743 г. подполковником Никофором Шишковым были составлены статистические данные, по которым при Барнаульском, Колыванском и Шульбинском заводах, а также в приписных к ним деревнях были учтены 172 старовера. При позднейшей проверке, проведенной Канцелярией Колывано-Воскресенского горного начальства, 58 записанных Н. Шишковым староверов не оказались в сказках второй ревизии 1745 г. Выяснилась и причина выбытия. Большая часть из них были арестованы, либо сгорели. Так, Иван Серюков, записанный при Колыванском заводе, «сгорел в расколичестве» вместе с сестрой и двумя племянницами, то же произошло и с Матвеем Сапожниковым, его женой и дочерьми и другими [5].

Естественно, массовые «гари» наносили определенный ущерб как процессу заселения Верхнего Приобья, так и производству. 14 января 1748 г. начальник Колывано-Воскресенских заводов генерал-майор А.В. Безр писал в Сибирскую губернскую канцелярию о том, что из-за церковных и правительственных розысков погибают лучшие рудоискатели-староверы: «Кабанов убит, Кудрявцев сам сгорел» [6, с. 6]. Об ущербе, наносимом горями, говорит и следующий документ: «В Белоярском ведомстве в деревне Лепехиной крестьяне Ефим, Федор и два Ивана Лепехина с матерями в избе у Федора Лепехина приготовились к самосожжению, обложив избу сеном. И сказывали они Лепехины, что приписаны они к Колыванским заводам в работу и из тех заводов бежали и умыслили де оне згореть в своей деревне собою, ежели де им от кого гонения будет...» [2, с. 246–247].

В связи с этим Кузнецкой воеводской канцелярией в Бийскую крепость 8 марта 1742 г. был послан указ: «чтоб за тем смотрели накрепко и в том собрании и в другие места к расколическому собранию и сожжению никого не допускать...»

Староверческие «гари» были актами отчаяния людей, не нашедших иных форм протеста и пошедших на такую крайнюю меру. Вызваны же они были преследованиями со стороны властей и официальной церкви.

Примечания

1. Ершова О.П. Роль министерства внутренних дел в формировании политики в отношении старообрядчества в середине XIX в. // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 1995. Вып. 4.

2. Документы по истории церквей и вероисповеданий в алтайском крае (XVII–XX). Барнаул, 1997.

3. Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974.

4. Булыгин Ю.С. Официальное православие и старообрядчество на Алтае в XVII в. // Старообрядчество. Барнаул, 1999.

5. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 66. Л. 24–44.

6. Булыгин Ю.С. О роли раскольников-старообрядцев в первоначальном заселении и освобождении русскими людьми Верхнего Приобья в первой половине XVIII в. // Старообрядчество. Барнаул, 1999.

С.С. Тихонов

*Омский филиал Объединенного института истории,
филологии и философии СО РАН*

**СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ РУССКИХ И АБОРИГЕНОВ
В КУЗНЕЦКОМ УЕЗДЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.
И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ЭКСТРАПОЛЯЦИИ
НА БОЛЕЕ РАННИЕ ЭПОХИ***

Закономерности расселения народов Западной Сибири изучены неполно. Известно, что подавляющее большинство аборигенов (угров, самодийцев, тюрков) жило вдоль больших сибирских рек и в нижнем течении их крупных притоков. Поселения на этих территориях были крупнее, чем в глубинных таежных районах. То же можно сказать и об особенностях расположения русских деревень. Глубинные таежные районы русские массово начали заселять только в XIX в. Возможно, следует говорить об особой природно-географической зоне – пойме больших рек с особым биоценозом, почвами, гидрологическим режимом и т.д.

Расположение известных археологических памятников от эпохи неолита до позднего средневековья в Алтайском крае, Кемеровской, Курганской, Новосибирской, Омской, Томской, южных районах Тюменской областей вышесказанному не противоречит. Можно говорить и о двух принципах заселения:

– микрорайонном, когда археологические комплексы располагаются на ограниченной каким-то образом территории, а между ними находятся свободные от археологических объектов территории;

– линейном заселении, когда памятники тянутся длинными, в несколько десятков километров, непрерывными цепочками.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект №03-01-841а).

В результате археологических работ в поле зрения специалистов ежегодно попадают десятки новых памятников, и представления об особенностях системы расселения могут быть скорректированы. Но поскольку полное обследование территории Западной Сибири не завершено, есть смысл обращаться к этнографическим, картографическим, письменным и другим источникам.

В данном случае были использованы описания Кузнецкого уезда Г.Ф. Миллером [1] и географические карты масштабом 1:200000 Новосибирской и Кемеровской областей, Алтайского края и Республики Алтай. В результате анализа распространения нанесенных на карты населенных пунктов первой трети XVIII в. стало возможным говорить о некоторых особенностях системы расселения аборигенов и русских.

Интересно, что после сооружения Кузнецкого острога в этой части Западной Сибири до начала XVIII в. русская администрация не устраивала укрепленных поселений, но зато потом остроги и крепости появляются почти одновременно: Би-Катунская крепость – в 1709 г., Мунгатский острог – в 1715 г., Бердский острог – в 1717 г., укрепленная Малышевская слобода – в 1722 г., Колыванский завод и крепость при нем в 1728 г. Примерно в это же время по правому берегу Иртыша русские сооружают Омскую (1716 г.), Семипалатинскую (1718 г.), Усть-Каменогорскую (1719 г.) крепости и между ними укрепления на Ямышевском озере, Качиры и Железинку. В 1722 г. была устроена дорога через Барабинскую степь из Омска в Томск с пятью станциями, куда перевели томских и тарских крестьян.

Очевидно, что в первые десятилетия XVIII в. начинается мощное движение русских в лесостепные и степные районы Западной Сибири. По Оби крестьяне шли в южные районы современной Новосибирской области и Алтайский край. Здесь сочетались крестьянская и военная колонизации: Би-Катунская и Белоярская крепости были построены казаками изначально для оборонительных целей и позже к ним были приписаны деревни. А вот Мунгатский, Бердский остроги и Малышевская слобода были построены после заселения этих районов крестьянами. По Иртышу выше Омска были построены только крепости.

В таежных районах Западной Сибири существовали территории, заселенные только аборигенами, только русскими или чересполосно теми и другими. Вероятно, русские первоначально селились на незанятых территориях. Однако существовала тенденция

вытеснения аборигенов с наиболее удобных мест и угодий в глубинные таежные районы. Это служило источником нескончаемых жалоб и указов о «нестеснении» инородцев. В материалах Г.Ф. Миллера в местах длительного проживания русских практически все географические названия имеют русское происхождение.

В Кузнецком уезде была несколько иная ситуация. После сооружения Кузнецкой крепости в XVII в. вокруг нее вверх и вниз по Томи, в низовьях Кондомы, по Ускату, Абе, Бачату и Чумышу появляются русские деревни. Только в Кыстымской и Керетской волости русские и аборигены жили чересполосно. Во всех остальных волостях ни одной русской деревни не отмечено. В 35 инородческих волостях на юге современной Кемеровской области по Томи, Мрассу, Кондоме, в Красноярском крае по Абакану, в Алтайском крае по Лебедю, Бие, Катуні на гигантской по площади территории проживало всего 1304 плательщика ясака. Г.Ф. Миллер не указал число плательщиков в Телеской волости (таб.).

Можно предполагать, что ясак платили главы хозяйств. Неизвестно, сколько в среднем человек было в хозяйстве, вероятно, можно применять коэффициент 4,5 или 5. Тогда общая численность населения не будет превышать 6–6,5 тыс. чел.

Г.Ф. Миллер писал [1, с. 27], что все они проживали в горных районах небольшими общинами, и не имели постоянных деревень. Скорее всего, речь может идти о наличии летних и зимних населенных пунктов, а также мест ведения промыслов. Такое отмечено им у татар на Иртыше и Тоболе, у самодийцев и угров на Оби и ее притоках.

Некоторые волости находились в труднодоступных местах и их население приносило ясак не в Кузнецкую крепость, а в близлежащие волости: в Елейскую из Тогояковой, в Кузешеву из Ближней Каргинской, Кызыл-Каргинской, Кивинской, Ковинской, Изушерской, в Кумандинскую из Еутской и т.д.

Итак, русские в данном районе не селились среди аборигенов. Часть деревень Мунгатского дистрикта была расположена в верхнем течении реки Ини, правого притока Оби, на пути из Кузнецка в Томск степью и на пути в Томск из деревень по Ускату. Близ Мунгатского острога Томь выходит на равнину, где и были основаны несколько деревень и сам острог. Вероятно, они были связаны дорогой по правому берегу Томи с Верхотомским острогом, что располагался чуть ниже современного Кемерова.

Число плательщиков ясака в инородческих волостях

	Наименование волости	Число плательщиков ясака
Район Кузнецкой крепости	Керетская	10
	Телеутская	151
	Тюлюберская	4
	Баянская	28
Волости по р. Томи и на границе Красноярского уезда	Кыстымская	63
	Тагапская	39
	Тогульская	31
	Богоракова	27
	Мойнакова	49
	Сагайская	53
	Бельтирская	45
Волости по р. Мрасе и ее притокам	Бешбаякова	46
	Едеева	24
	Тогоякова	4
	Елейская	27
	Ближняя Карга	43
Волости по р. Мрасе и ее притокам	Кузешева Карга	17
	Кызыл Карга	15
	Кивинская (р. Komer)	31
	Кивинская (р. Мраса)	12
	Изушерская	21
Волости по р. Кондома и ее притокам	Барсаяцкая	35
	Бешбаякова (Катунская)	44
	Етиберская (на Кондоме)	46
	Етиберская (на р. Мандыбаш)	34
	Елейская	27
	Карачерская (Шорская)	72
Волости по р. Бия, Катунь и их притокам	Шолкальская	43
	Каргинская	6
	Кумандинская	105
	Юская (Еутская)	11
	Кузенская	28
	Камляшская	49
	Кергешская	39
	Таутелеутская	34
	Телеская	?

Часть деревень Белоярского дистрикта группировалась возле самой крепости, другие располагались по Чумышу от Усть-Чумышской Пристани до д. Глуховская (ныне Староглушинка), вероятно, вдоль дороги по Чумышу от Колыванского завода на Кузнецк. Русские по Чумышу ниже д. Тальменской селились только на левом берегу реки, а выше нее – по обоим.

Деревни Бердского дистрикта располагались преимущественно по правому берегу реки Бердь, вероятно, вдоль дороги на Кузнецк. Другие деревни лежали близ рек Койнихи и Тальменки по дороге от Бердского острога в Белоярскую крепость. Современная автострада Новосибирск–Барнаул проходит примерно этими же местами. В Тальменской пересекались дороги Бердск–Белоярск и Усть-Чумыш–Кузнецк. Остальные деревни этого дистрикта располагались на правом берегу Оби и вдоль ее притока Каракана. Возможно, дороги из Бердска и Белоярска сходились где-то в районе современного города Заринска, от которого уже один путь вел к Кузнецку. Все деревни Малышевского дистрикта располагались на правом берегу Оби, часть из них находилась в 5–10 верстах друг от друга между д. Алацкой до д. Каменки (близ современного с. Ордынское). Другие деревни находились между устьем реки Мереть и д. Носковой.

Г.Ф. Миллер зафиксировал расположение русских деревень и инородческих волостей в уникальный момент. Степные и лесостепные районы были свободны от населения. Можно связывать отток дорусского населения, от которого остались только брошенные жилища, с политическими и военными процессами в Джунгарском ханстве и откочевкой отсюда самих калмыков и подчиненных ему аборигенов. До этого времени русские селились только близ Кузнецка. На освободившиеся места, по историческим меркам мгновенно, заселились русские крестьяне. Часть из них поселилась близ крепостей. Расстояние между ними было иногда не более полуверсты, чаще 1–3. Возможно, так и формировались некоторые археологические микрорайоны. Другие деревни тянулись вдоль дорог от одной крепости к другой. Эти деревни располагались друг от друга на расстоянии 7–12 верст, а иногда и больше. Это можно сравнивать с линейным заселением. Наконец, часть деревни располагалась по Оби на расстоянии около 5 верст друг от друга. Может быть, это традиционная система расселения русских севера европейской части России и таежной зоны Западной Сибири.

При экстраполяции этой системы на более ранние эпохи необходимо решить вопрос о корректности такого сопоставления, а во-вторых, найти соответствующую ситуацию в прошлом. Как вариант, можно поработать с культурами крестовой керамики, очень быстро проникнувшими на юг, с материалами о распространении памятников в кулайской культуры из Нарымского Приобья в лесостепные районы, с материалами эпохи Великого переселения народов в Новосибирском Приобье и постсаргатского времени в Барабе, Прииртышье и Притоболье.

Примечания

1. Миллер Г.Ф. Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии в сентябре 1734 года // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 17–36.

М.Д. Кушнарeva

Иркутский государственный университет

ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ ПУШНОГО ПРОМЫСЛА И ТОРГОВЛИ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ (конец XVII – начало XX вв.)

Целью данной публикации является рассмотрение вопроса влияния развития пушного промысла и проникновения российского торгового капитала на социально-экономические отношения коренных народов Сибири.

Первоначально инициатива промышленных и торговых людей по промысловому освоению Сибири очень мало затрагивала аборигенное население. Торговцы получали пушнину у нанимаемых ими охотников или скупали пушной товар у независимых промышленников. Влияние частной торговли на этносоциальные процессы в первой половине XVII в. было слабым.

Постепенно крупные предприниматели начинают организовывать торговые лавки в центрах пушной торговли, где продавали различные товары, пользовавшиеся большим спросом у эвенков (Восточная Сибирь), ханты, манси и ненцев (Западная Сибирь). В конце XVII в. хозяйство этих народов оставалось натуральным и

слабо зависело от привозимых товаров. Усиление пушной охоты требовало от каждого плательщика ясака повышенных затрат труда, которые с быстрым «выпромысливанием» охотничьих угодий все более возрастали. Основная отрасль промыслового хозяйства – мясная охота, уступала место пушной, с одновременным увеличением значения оленного транспорта. В случае неудачи промысла домашних оленей забивали на мясо, что к началу XVIII в. привело к сокращению поголовья оленей и регулярным голодовкам. Все большее значение приобретает обмен пушнины у русских торговцев на муку. Зависимость хозяйства эвенков и самоедов от привозных товаров усилилась с переходом на огнестрельное оружие [1].

Русские купцы, скупавшие пушнину у охотников, постепенно налаживали тесные обменные связи с коренным населением пушно-промысловых районов Сибири. Предприниматели создали сеть торговых агентов, которая позволяла им в наиболее полном объеме заниматься сбором пушнины у промышленников.

В основе развития пушного промысла в конце XVIII – начале XX в. лежали отношения «покруты». Крупный купец нанимал различное число охотников, которые отправлялись на пушной промысел, снабженные его продуктами, снаряжением и всеми необходимыми запасами. По возвращении они были обязаны отдать хозяину 2/3 добытой пушнины. Такие отношения между купцами и охотниками приобрели в начале XX в. большое значение в социально-экономическом развитии коренных народов Сибири. Пушной промысел стал исключительно товарной отраслью хозяйства эвенков и ненцев, причем быстро выдвигался на место ведущей отрасли. Тем не менее натуральное хозяйство, основанное на мясной охоте и рыболовстве, продолжало сохранять большое значение.

Специфическими чертами отношений «покруты» у эвенков являлись неразвитый товарообмен в натуральной форме и отсутствие у охотников средств производства. Произвольная оценка пушнины и меняемых на нее товаров вызывала возникновение кабальных долговых обязательств, что вело к постепенному, неизбежному разорению натурального хозяйства «инородцев».

Территория проживания коренных народов Сибири покрывалась сетью участков, в пределах которых происходила монопольная меновая торговля пушниной на товары [2]. У каждого купца любой фирмы имелся свой круг клиентов, т.е. промышленников, большинство их состояло из должников, что прочно прикрепляло

охотников к определенному купцу. Иметь дела с посторонним купцом промышленник уже не мог, поскольку подобные сношения кредитор рассматривал как уклонение должника от своих прямых обязанностей. Промышленники, имевшие долги, вынуждены были забирать нужный им товар у купца по более высокой цене, а пушнину сдавать по более низкой. Постепенно купцы-меховщики укрепляли позиции торгово-ростовщического капитала в среде промышленников. Таким образом, можно сделать вывод о существовании специфического торгового аппарата, в структуре которого имела место экономическая и юридическая зависимость промышленника и купца друг от друга.

В конце XIX – начале XX вв. происходит упрочение позиций российского торгового капитала на территории Сибири. По берегам крупных рек основываются постоянно действующие торговые фактории, где в обмен на пушнину охотники могли приобрести продукты и необходимое для промысла снаряжение. К началу XX в. хозяйство эвенков было наиболее связано с общероссийским пушным рынком, так что колебания цен на пушнину на Нижегородской и Ирбитской ярмарках определяли их материальное благополучие. Это обусловило изменение характера традиционного хозяйства эвенков и соотношение отраслей внутри него. Процесс проникновения товарных отношений вызвал социальную и имущественную дифференциацию среди эвенков.

Исчезает прежняя замкнутость рода. Развитие торговли и появление возможности приобретать необходимые предметы потребления посредством обмена на пушнину привели к тому, что индивидуальная семья могла уже собственными усилиями добывать себе средства существования. Такая семья стремилась выделиться, обособиться от рода, чтобы самостоятельно сбывать продукцию пушного промысла. Выделение индивидуальной семьи в самостоятельную экономическую единицу нарушало территориальное и хозяйственное единство родовых объединений охотников Сибири. В связи с увеличением товарности пушной охоты эвенки, в некоторой степени остяки и самоеды заимствовали от русских многие интенсивные способы добычи пушного зверя, различного типа ловушки на соболя, белку, писца, капканы.

Итак, развитие товарных отношений привело к тому, что нехватка продовольствия, которое производилось в натуральном хозяйстве инородцев, компенсировалась приобретением товаров,

особенно муки, в обмен на пушнину. Развитие пушного промысла привело к возникновению стремления удовлетворения потребностей охотников в предметах первой необходимости путем неэквивалентного обмена.

Примечания

1. Карлов В.В. Эвенки в XVII – начале XX вв. (хозяйство и социальная структура). М., 1982.
2. Ядринцев Н.М. Инородцы в Сибири. СПб., 1892.

С.В. Москаленко, С.Г. Скобелев

Новосибирский государственный университет

РУССКОЕ АГРАРНОЕ ОСВОЕНИЕ КАК ПРЕДПОСЫЛКА К АССИМИЛЯЦИИ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИЕНИСЕЙСКОГО КРАЯ В XVII–XIX вв.*

Под Приенисейским краем некоторые современные географы понимают почти целиком территорию Средней Сибири – бассейн Енисея и некоторые соседние районы бассейна Оби. Данная область составляла ядро Енисейской губ., а позднее, с небольшими изменениями, и Красноярского края. В соответствии же со взглядами других географов, не выделяющих такого понятия, как Средняя Сибирь, эта территория частично входила в Западную и Восточную Сибирь. Северная, большая, часть региона еще в первой половине XVII в. была довольно быстро и без заметной борьбы включена в состав Русского государства. Территория же Хакаско-Минусинской котловины, т.е. южная часть, была присоединена в начале XVIII в. в результате длительной и ожесточенной борьбы с енисейскими кыргызами и джунгарами. Административно большая часть ее вошла в состав Красноярского, а меньшая – Кузнецкого уезда. Земли к югу от Западного Саяна (территория современной Тувы) вошли в состав РСФСР уже в XX в. (1944 г.). Таким образом, большая часть коренного населения региона в XVII–XIX вв. входила в состав Русского государства и жила рядом с пришельцами, в основном представителями великорусской части восточного славянства.

* Работа выполнена по проекту РФФИ №03-06-80412

Территория региона к началу рассматриваемого периода была достаточно редко заселена коренными жителями в таежной зоне и более плотно – в зоне лесостепи и степи. Здесь проживали народы различного происхождения, этническая консолидация которых в большинстве случаев еще не была завершена. Наиболее многочисленными были тюрки – кыргызы, качинцы, шорцы, чулымские тюрки («мелецкие татары») и др. Тунгусоязычные, кеты и самоеды в совокупности уступали тюркам по численности. В течение XVII в. пришельцы-славяне в Средней Сибири расселялись, в основном, в зоне тайги и лесостепи, к северу от г. Красноярска, т.е. в местах проживания тунгусов, кетов, северных самоедов и частично тюрков (зона непосредственных контактов с тюрками имела лишь на среднем Чулыме и в Красноярском лесостепном районе, где проживали чулымские тюрки и качинцы). Со второй половины XVIII в. в связи с окончательным присоединением к Русскому государству части Средней Сибири к югу от Красноярского лесостепного района и широкими процессами аграрного освоения региона происходит заселение и ряда районов вверх по Енисею по обоим его берегам. Славянское крестьянское население к концу века достаточно плотно заселило здесь все территории, пригодные для земледелия: левобережье Енисея до границы сухих степей и более увлажненное правобережье вплоть до хребта Западного Саяна на юге. В течение XIX в. произошло и заселение части левобережья Енисея, в основном вдоль Западного Саяна. Необходимо отметить, что это заселение шло главным образом с севера. Заселение с запада, т.е., со стороны Кузнецка, было более слабым, и вдоль Кузнецкого Алатау плотность русского населения была незначительной. С начала этого второго периода освоения Приенисейского края зона контактов славян с тюркоязычным населением, и особенно кетами и южными самодийцами (камасинцами и другими), значительно расширилась.

В XVII–XIX вв. в силу тесного соседства славян с коренным населением проходили достаточно интенсивные процессы этнического смешения. Наиболее масштабными они были именно в местах широкого крестьянского расселения. К числу таких районов относится территория бассейна средней Ангары, Красноярской и Канской лесостепей, среднего Чулыма и в меньшей степени правобережной части Хакасско-Минусинской котловины.

Среднеангарский район ко времени расселения славян был заселен тунгусами, ведущими в основном охотничье-промысловую

деятельность. Земли здесь были пригодны для занятий хлебопашеством и уже в XVII в. на данной территории появляются, а к концу XVIII в. по Ангаре, Кове, Чуне, Усолке и других реках проживают многочисленные русские крестьяне. В силу близости проживания и интенсивности культурного воздействия местные тунгусы перенимали новые методы ведения хозяйства, в том числе и земледельческого, крестились и вступали в брачные отношения со славянами. В итоге к концу XIX в. эти районы считались уже местами чисто русского крестьянского расселения и коренное население здесь вообще не фиксировалось. «Лишь воспоминанием о прежних тунгусских жителях по Чуне и Бирюсе служит тип их нынешних обитателей, несколько напоминающий тунгусов» [1, с. 6]. Как показали современные антропологические обследования русских старожилов средней Ангары, здесь в их состав вошла крупная группа местных тунгусов [2, с. 72]. Учитывая отсутствие сведений о массовой гибели местных тунгусов в результате голодовок или эпидемий (последняя эпидемия оспы здесь отмечалась лишь в начале XVIII в.), можно полагать, что полное исчезновение к концу XIX в. данной группы коренного населения следует считать результатом полностью завершившейся ассимиляции и лишь частично переселений отсюда тунгусов в более северные районы, фиксировавшиеся в незначительных масштабах в течение указанного времени [3].

В Красноярском лесостепном районе в течение XVII–XVIII вв. проживало достаточно многочисленное, по сибирским масштабам, коренное население, представленное кетоязычными аринцами и тюркоязычными качинцами, уже значительно смешанными между собой. Последние упоминания о них здесь относятся к середине XIX в. По переписи же 1897 г. качинцы и аринцы в округе Красноярска не упоминаются вовсе. Известно, что в начале XVIII в. значительная часть качинцев и аринцев из-под Красноярска переселилась в степи Хакасско-Минусинской котловины, опустевшие после ухода отсюда в 1703 г. джунгарами енисейских кыргызов. Тем не менее численность оставшихся на прежних местах жительства качинцев и аринцев из-за значительного естественного прироста была достаточно высокой – например, в первой половине XIX в. она уже была сравнима с числом переселившихся на юг региона. Оставшиеся качинцы и аринцы, и до прихода славян знавшие начатки земледелия, к середине XIX в. почти целиком перешли к земледелию и жили в тесном соседстве с крестьянами-славянами, по-

степенно сливаясь с последними. Часть современных русских старожилов, проживающих в ряде старинных сел под Красноярском (Емельяново, Маганское, Шало, Шивера, Юксеево и др.), являются прямыми потомками качинцев и аринцев, о чем многие из них еще хорошо помнят (материалы полевых исследований автора). Ушедшие же на юг региона качинцы и аринцы стали крупной составной частью нового, начавшего формироваться тогда этноса, принявшего в начале XX в. название «хакасы».

Территория среднего Чулыма к приходу сюда в первой половине XVII в. славян была заселена коренными жителями (чулымскими тюрками) сравнительно редко и численность их была невысока. Славянское же население по Б. и М. Кемчугам и Чулыму к первой половине XVIII в. стало уже достаточно многочисленным. Это было связано с тем, что здесь в 30-е гг. XVIII в. прошел Московский тракт, а притрактовая полоса интенсивно заселялась. Проживавшие здесь качинцы, кызыльцы и чулымцы-тюрки также привлекались к продовольственному обеспечению и обслуживанию движения по тракту, в связи с чем они вступали в интенсивные контакты с переселенцами. В результате близкого соседства процессы этнического сближения были весьма заметными. Так С.П. Крашенинников, побывавший здесь в 1734 г., отмечал: «...татары, которые живут в Кемчиковых юртах, несравненно лучшее житие имеют. Они так же, как и русские, хлеб сеют, и мелют, и пекут, и юрты их... никто не назовет татарскою, но русскою деревнею. Бабы их платье русское носят. По-русски также всех татар, по Чулыму живущих, говорят лутче» [4, с. 56]. В результате уже к концу XVIII в. мы не имеем сведений о проживании в притрактовой полосе коренных жителей – все они, вероятно, вошли в состав русского населения. Об этом можно говорить с достаточной степенью определенности, учитывая также отсутствие сведений о каких-либо заметных переселениях отсюда местного населения. Ниже же по Чулыму, севернее притрактовой полосы, где степень аграрного освоения была заметно меньше, этнические контакты были не столь интенсивны, и коренное население (чулымцы-тюрки) сохранило этническую самобытность вплоть до XX в. Подобная ситуация имела место и выше по Чулыму, южнее притрактовой полосы, и коренное население, в основном северная часть кызыльцев, также сохраняло этническую самобытность вплоть до начала XX в.

Южная часть правобережья Енисея, в том числе степная и лесостепная зоны, была заселена коренными жителями (различными тюрко-, кето и самоедязычными этническими группами) довольно редко. Частично это связано с тем, что в конце XVII в. значительная часть их (почти все кыргызы-тубинцы) погибла в ходе боевых действий против русских людей. После увода енисейских кыргызов в течение XVIII в. и позднее происходили переселения коренных жителей на эти освободившиеся места, однако на правобережье не столь интенсивно, как в степях левобережья Енисея. Поэтому ко времени прихода русского крестьянского населения коренных жителей в восточной части Минусинской котловины и в Канской лесостепи оставалось немного и процессы этнического смешения не были столь интенсивны, как в других частях региона. Часть коренного населения переселилась отсюда на левобережье уже в период русского освоения. Тем не менее в течение XVIII в. русским крестьянским населением были полностью ассимилированы небольшая группа «канских татар» (котты), проживавших в Канском лесостепном районе, а к концу XIX в. – почти целиком все разноэтническое население степной зоны современных Минусинского, Краснотуранского, Курагинского, Шушенского и Ермаковского районов Красноярского края, а также большинство южных самодийцев (камасинцев), проживавших в горной тайге в Саянах (часть их, кроме того, погибла в результате эпидемий конца XVIII – первой половины XIX в.).

В других районах Средней Сибири также проходили процессы вливания коренного населения в состав русского, но по ряду причин в течение XVII–XIX вв. они были не столь интенсивны. Так, енисейские остяки, родственные аринцам, проживавшие к северу от Красноярского лесостепного района, хотя и были немногочисленны, тем не менее значительно дольше сохраняли свою этническую самобытность и заметные процессы ассимиляции у них фиксировались лишь в конце XIX в. Незначительными были процессы ассимиляции и у тунгусов, проживавших по рекам Подкаменная и Нижняя Тунгуска, а также у селькупов, северных самодийцев в низовьях Енисея и северных якутов на Таймыре. Объяснялось это рядом факторов, в числе главных из которых были невысокая численность здесь постоянного русского населения из-за отсутствия или слабого развития у него земледелия в силу суровых климатических условий. Как следствие, возможности для широких контактов с коренными жителями отсутствовали, а в сфере эконо-

мики русские люди здесь, также занимавшиеся в основном ведением промыслового хозяйства, не могли оказать решающего культурного воздействия. Вероятно, в силу данных обстоятельств здесь даже происходили обратные процессы, а именно: вливания русских людей в состав коренного населения. Так, в течение указанного периода одной из составляющих частей будущего долганского этноса на Таймыре стала довольно крупная группа русских старожилов – так называемые затундренные крестьяне [5, с. 93]. В связи со слишком засушливым климатом в западной части Минусинской котловины – в степях левобережья Енисея (исключая предгорную полосу Западного Саяна), русское крестьянское население здесь также было немногочисленным и не могло оказать заметных ассимилятивных воздействий на коренных жителей. На этой территории имели место аналогичные процессы вливания пришлого славянского или смешанного населения в состав коренного, хотя и не столь заметные, как на севере региона (так, например, родоначальником многочисленной хакасской фамилии Орешковых был кузнецкий воевода Б. Сенявин); в состав коренных жителей попало немало славян из числа ссыльных, беглых людей и дезертиров из армии, не желавших афишировать свое происхождение и предпочитавших числиться им самим и их детям в списках коренного населения (так не менее многочисленная фамилия Кызласовых включила в свой состав польских ссыльных, попавших в Сибирь в 60-е гг. XIX в. после подавления восстания в Польше) [6, с. 45].

В целом в течение XVII–XIX вв. близкое соседство на территории Приенисейского края широко расселившихся в результате аграрного освоения региона славян и коренных жителей привело к заметным процессам взаимной ассимиляции. Как и повсюду в Сибири, численность русского населения здесь сравнилась с числом аборигенов уже к концу XVII – началу XVIII в., а к концу XIX в. последних здесь уже проживало в несколько раз меньше, чем пришельцев. Одной из важных составляющих такого роста стали и процессы включения местных жителей в состав русского населения в местах широкого крестьянского расселения. При этом численность совокупного коренного населения также почти непрерывно росла, увеличившись к концу XIX в. более чем в 3 раза по сравнению с началом XVII в., что в свою очередь обеспечивало интенсивность и продолжительность процессов взаимной ассимиляции. Т.о., русские старожилы ряда территорий региона к концу XIX в. пред-

ставляли собой смешанное население, что подтверждается и результатами антропологических исследований, проведенных уже в XX в. в некоторых из этих районов. Действительно, здесь в притрактовой полосе, по Ангаре, в Красноярском и Канском лесостепных районах, в восточной части Минусинской котловины складывался тип «сибирянина», отличный по ряду антропологических признаков от славян европейской части страны. Впрочем, окончательного сложения «сибиро-русской народности», о чем много говорил в своих работах А.П. Щапов [7] и его последователи [8, с. 106–115], в Сибири в целом (как и в указанном регионе в частности) не произошло в силу ряда причин, главной из которых был постоянный приток новых переселенцев-крестьян, особенно интенсивный с начала XX в. Русские старожилы Красноярского лесостепного района, средней Ангары, среднего Чулыма и Канской лесостепи, хотя и осознававшие свое смешанное происхождение, тем не менее считали себя частью восточного славянства, что и подтвердили своими ответами на соответствующие вопросы счетчиков первой общероссийской переписи населения 1897 г. Смешанными были и отдельные группы коренного населения. Включив в свой состав славянских пришельцев, а также представителей некоторых других этносов, они тем не менее сохранили собственную этническую идентичность.

Широкое аграрное освоение региона, как можно видеть, оказало заметное воздействие на процессы этнического развития и судьбы проживавшего здесь коренного населения. Именно массовое расселение русских крестьян и влияние земледельческой культурной традиции стали решающим фактором в имевших место процессах ассимиляции коренного населения, полном исчезновении к концу XIX в. некоторых его территориальных групп (ангарских тунгусов, красноярских качинцев и аринцев, чулымских тюрок в притрактовой полосе, «канских татар», почти всего населения восточной части Минусинской котловины). Несомненно, это сказалось на темпах роста совокупной численности аборигенов Средней Сибири, которые могли быть заметно выше, чем реально зафиксированные по данным переписи 1897 г. Но нельзя и согласиться с бытовавшим в научной и публицистической литературе мнением, что коренное население региона вымирало и что именно ассимиляция была одной из причин этого. Так «Сибирская газета» – один из рупоров областничества, во второй половине XIX в. печатала та-

кие, например, пассажи: «...Инородческое население Минусинского округа... вымирает с такою быстротою, при которой еще через двадцать лет, мы вполне надеемся, не будет в долинах р. Абакана ни одного туземца» [9]. Один из основоположников областничества Н.М. Ядринцев в подтверждение якобы факта вымирания коренного населения Средней Сибири приводил сведения, что в 1851 г. «минусинских инородцев» было 40470 чел., а в 1868 г. осталось только 37153 чел. [10, с. 17]. Реально, к счастью, коренное население в численности не теряло и, отдав значительную свою часть в состав местного русского, оно по-прежнему продолжало расти, что можно было достоверно определить по статистическим данным текущего учета инородческих управ еще во второй половине XIX в., а также по сведениям Всероссийской переписи населения 1897 г.

Примечания

1. Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. СПб., 1906. Ч. 1. Вып. 2.
2. Русские старожилы Сибири: Историко-антропологический очерк. М., 1973.
3. Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М., 1985.
4. Крашенинников С.П. В Сибири. Неопубликованные материалы. М., Л., 1966.
5. Долгих Б.О. Происхождение долган // Сибирский этнографический сборник. М., 1963. Вып. V.
6. Бутанаев В.Я. Этническая культура хакасов. Абакан, 1998.
7. Щапов А.П. Сочинения: В 3-х т. СПб., 1906–1908.
8. Кошелев Я. Р. Русская фольклористика Сибири (XIX – начало XX в.). Томск, 1962.
9. Сибирская газета. 13 сент. 1881. №9.
10. Левашева В.П. Из прошлого Хакасии. Абакан, 1945.

Л.В. Останина

Тобольский государственный педагогический институт

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЩАНСКОГО СОСЛОВИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (конец XVIII–XIX вв.)

Важное значение для оформления социальной структуры города имели законодательные акты 1775–1785 гг. В 1775 г. городские жители были разделены на привилегированных купцов трех

гильдий и непривилегированных мещан. Мещане оставались на положении прежних посадских. В Городовом положении 1785 г. городские обыватели иногда называются мещанами, однако более поздние законодательные акты присвоили звание мещан исключительно нижнему разряду городских обывателей.

Как показывает анализ городских обывательских книг конца XVIII – начала XIX вв., костяк формирующегося западносибирского мещанства составили посадские люди, главным образом, старожилы, которые в ходе правительственных реформ изменили свой статус и название. Также основываясь на данных источниках, можно заключить, что к 30-м гг. XIX в. звание мещан окончательно утвердилось за низшим разрядом городских обывателей, заменив наименование «посадские».

С 1775 г., как показывают исследования Б.Н. Миронова, различия между купечеством и мещанством приобрели социальный характер, перемещения из купечества в мещанство и наоборот стали относиться к вертикальной мобильности. Следует отметить, что купеческие и мещанские сословия были тесно связаны между собой. Эти две категории взаимно пополняли друг друга на протяжении всего рассматриваемого периода.

Особую категорию горожан составляли цеховые. В городах Западной Сибири, как следует из источников, выделить в цех лиц, реально занимающихся ремеслом, было довольно сложно. В рапорте Тобольского городского магистрата 1801 г. об учреждении в Тобольске ремесленных цехов и их управ отмечалось: «...все различие их [цеховых и мещан] между собою состоит только в разновидности занятий, а не в звании, которое тех и других есть мещанское и принадлежит всем в городе в посад записанным». Различие между мещанами и цеховыми носило не социальный, а профессиональный характер.

В начальный период формирования западносибирского мещанства в его состав вливались разночинцы. Однако в дальнейшем, по данным источников, число выходящих из разночинцев в мещане было невелико.

Одной из особенностей развития многих западносибирских городов в XVIII в. являлось повышение их значения как ремесленно-торговых центров и потеря ими военно-стратегической роли. Отставные военные являлись одним из источников формирования мещанства. Однако записаться в сословие мещан могли согласно правительственного указа от 23 января 1789 г. только те, кто был

«отставлен на свое пропитание» и их дети (отставные на поселение исключались из подушного оклада, повелевалось «и впредь во оной не полагать и никаких сборов не взыскивать»). Выходцы из военного сословия пополняли ряды мещан на протяжении всего XIX в. Так, в 1881 г. были упразднены березовская, сургутская (в Тобольской губ.) и нарымская (в Томской губ.) казачьи команды. Нижние чины, не заявившие о желании вступить в сибирское казачье войско, зачислялись в мещане тех городов, где находящиеся чины имели постоянную оседлость. Причисленные к мещанскому сословию казаки получали льготы: освобождались от платежа окладного сбора (выслужившие срок на отставку – навсегда, остальные – на 10 лет); в течение пяти лет не платили крепостных пошлин при приобретении и отчуждении недвижимой собственности; пользовались провиантским довольствием от казны, получая в первые три года полную, а в следующие два года – половину провиантского довольствия; причисленным в мещане казакам передавались в собственность все земли, которыми они пользовались прежде.

На протяжении всего рассматриваемого периода в мещане городов Западной Сибири, на основании указа Сената от 11 апреля 1784 г., приписывались выходцы из духовенства.

Пополнения сословия западносибирских мещан происходило из представителей коренных народов Сибири и других нерусских народов после принятия ими православия, при этом давались различные льготы: освобождение на некоторый срок от платежа податей, рекрутской повинности.

Видное место в формировании мещанского сословия западносибирских городов занимало крестьянское сословие. Однако тяжелым бременем для мещан, поступивших из крестьянства, являлась необходимость уплаты двойного (мещанского и крестьянского) оклада. Это обуславливало тот факт, что не все выходцы из крестьян могли закрепиться в городе. Так, в 1801 г. в городах Тобольской губ. насчитывалось 3441 чел., которые записались из крестьян в купечество и мещанство, но «быв только причисленными к городам, жительствуют... в крестьянских селениях и по упражнению в хлебопашестве нашлись не в состоянии быть способными к купеческим и мещанским промыслам», почему и перечислялись Тобольскую казенную палату в прежнее крестьянское звание.

Переход крестьян в мещанство происходил в течение всего XIX столетия. Как отмечают исследователи, крестьяне в городской

стратификации попадали преимущественно в средние или низшие слои общества. Это вызывало озабоченность городских обществ. В 1881 г. в №10 газеты «Сибирь» была помещена статья «Дешевые граждане», автор которой сообщал, что при однодневной переписи в Томске обнаружился чрезвычайный наплыв в мещанское сословие крестьян, вызванный отменой податей с мещан. Однако «эти новые мещане... никаким особым городским промыслом не занимаются, а арендуют земли, где могут, и занимаются земледелием», не имея ничего общего с городом, эти люди «составляют самый жалкий элемент населения более крупных городов».

Источником формирования западносибирского мещанства были также дворовые люди, причисление которых основывалось на 46 статье манифеста 17 марта 1775 г. Особенностью дворовых людей в Западной Сибири было то, что значительное число их являлись выходцами «из калмык», поступая в мещанство и принимая православие, они получали льготы. Известны случаи, когда запись в мещанство дворовых отменялась, и они вновь возвращались прежним владельцам.

Специфика региона обуславливала то, что одним из источников рекрутирования мещанства были ссыльные. По указу 7 февраля 1798 г., разрешалась приписка посылаемых в Сибирь на поселение в мещанское или купеческое состояние, «когда посланный на поселение, благонаравием своим приобретет доверенность общества»; причисление должно было осуществляться только с позволения Сената. В 1822 г. в Тобольске был открыт «Приказ о ссыльных» – единственное в стране учреждение, ведавшее препровождением и расселением в Сибири политических и уголовных преступников. Обычно ссыльные приписывались к селениям старожилов и несли крестьянские повинности. В середине XIX в. Совет Главного управления Западной Сибири постановил: «...имея в виду потребность для городских обывателей в людях, знающих какое-либо мастерство или ремесло разрешить увольнять ссыльных в города». Был образован цех слуг из ссыльных, в каждый город определялось необходимое количество цеховых слуг, устанавливались условия найма и оплата выполняемых работ, среди которых – повар, кучер, нянька, лакей, горничная и т.п. Как свидетельствуют источники, записанные в цех слуг ссыльные становились одним из источников пополнения мещанского сословия, при этом они получали льготы. Возможна была приписка в мещанское сословие и без согласия на то общества мещан. Поступление большого числа ссыльных в мещан-

ское общество не лучшим образом сказывалось на его материальном и нравственном состоянии. Так, И. Завалишин в «Описании Западной Сибири» отмечал, что «преобладающий в Нарыме элемент населения – мещане, и надо отдать справедливость мещанскому сословию всех этих гиперборейских городков: Березова, Сургута, Нарыма, Туруханска – это бойкое, умное и способное племя; а что всего лучше – более нравственное и честно-трудолюбивое, нежели городов хороших сибирских местностей, где ежегодный, вредный прилив ссыльных в мещанские общества и толкотня с самым пестрым населением, какое только есть в мире (ибо Сибирь сходбище России, Азии и частью Европы, каких тут сословий и национальностей нет?), много вредят и много развращают».

Особую группу среди западносибирских мещан составляли выходцы из Польши. Это были пленные, попавшие в Сибирь после 1792–1795 гг. и в ходе заграничных походов русской армии 1813–1815 гг. Новых членов мещанских обществ «из поляков» фиксируют городовые обывательские книги конца XVIII – начала XIX вв., ревизские сказки.

На рубеже XVIII–XIX вв. формируется сословие мещан и происходит его перераспределение между различными городами. Как показали исследования А.Д. Колесникова, в Сибири в XVIII – первой половине XIX вв. новые районы осваивались за счет внутренней миграции, шел процесс перераспределения на территории края. При этом приток населения из Европейской России, хотя и не прекращался, выражался небольшими цифрами. Это справедливо и для мещанского населения. Основное число мещан переходило в мещанство городов Сибири и Урала. Мещанское сословие вновь учрежденных городов главным образом пополнялось мещанами старых западносибирских городов, многие из которых давно жили в этих населенных пунктах, но получили возможность записаться в свое сословие только после получения ими статуса города. Основными причинами перехода в мещанское сословие других городов являлся отход по паспортам для торговли и иных промыслов, приобретение на новом месте занятия, дающего пропитание и возможность платить подати.

Таким образом, анализ источников формирования мещанства Западной Сибири показывает, что основой сословия стало старопосадское население городов, как и везде, важными источниками рекрутирования мещанства являлись крестьяне, обанкротившиеся купцы, разночинцы, отставные военные, духовенство. В то же вре-

мя специфика региона обуславливала поступление в сословие западносибирских мещан ссыльных (поселенцев), а также принявших православие выходцев из коренных народов Сибири и вступивших в российское подданство народов Казахстана и Средней Азии. Такое разнообразие источников формирования во многом определяло особый облик сословия. Как отмечал автор XIX в., «мещанство в Сибири вмещает в себя чрезвычайно разнообразные элементы, как по своему умственному развитию, так и по благосостоянию». Являясь наряду с купцами наиболее динамичной социальной стратой западносибирского общества, мещане явились впоследствии основой для формирования мелкой буржуазии и кадров наемных рабочих.

М.Ф. Ершов

Югорский государственный университет (Ханты-Мансийск)

**МАРГИНАЛЬНЫЕ СЛОИ
И ФОРМИРОВАНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В ГОРОДАХ ЗАУРАЛЬЯ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ
XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX вв.**

Последняя четверть XVIII – первая половина XIX вв. характеризовались для зауральских городов постепенной эрозией сословной замкнутости и распространением европейской культуры. Ускоренная модернизация России, вызванная ее отставанием от передовых стран Европы, проводилась «сверху» с помощью жестких принудительных мер. Затем экономические и культурные потребности местной торгово-промышленной верхушки и формирующегося среднего класса вызвали самопроизвольный рост культуры «снизу». Неповторимый колорит зауральским городам придавало запутанное переплетение патриархальной культуры с официальными и неофициальными элементами европейской культуры. Первые были строго формализованными, включенными в структуру властных отношений, вторые – обычно неформальными и нередко оппозиционными существующим порядкам. Соответственно официальные элементы регламентировались нормами права, неофициальные – социальными нормами.

Естественно, что нормы права менялись и меняются под воздействием изменившихся социальных норм, путем изменения действующего законодательства. В свою очередь изменение социальных норм обуславливалось изменением способов жизнедеятельности определенного социума. Новации в экономике не означали не-

медленного изменения в культуре. Требовалась деятельность тех слоев населения, которые были бы заинтересованы в замене старых норм новыми. Однако для того, чтобы сломать старые социальные нормы, необходима была перестройка общества в целом, несводимая к единовременному акту.

Те индивиды, которые первыми осознали порочность старых социальных норм и перестали их соблюдать, некоторое время были вынуждены существовать в культурной изоляции от основной массы населения. Затем положение стало меняться, нередко достигая противоположных значений. Наиболее последовательные оппоненты из числа ревнителей старины со временем и сами оказывались в численном меньшинстве. Таким образом, маргинальность как «состояние пребывания частично внутри социальной группы, и частично вне ее» была знаковым явлением в урбанизационных процессах.

Вышеприведенные закономерности реализовались в исторической конкретике с различной степенью полноты. По нашему мнению, воздействие маргинальных слоев могло быть особенно ощутимым в тех небольших городах, которые находились в зонах соприкосновения регионов с неодинаковым уровнем социально-экономического развития. Несомненно, что города Зауралья, в силу их географического расположения, относились к таким посредническим, стыковым «маргинальным» поселениям.

Эти немногочисленные города, несмотря на их специфику, прошли все основные этапы, характерные для городских поселений на колонизируемых территориях. По мнению В.И. Сергеева, в начальный период существования у городов Урала и Западной Сибири происходила последовательная смена трех основных функций. Город поочередно выступал как: 1) военный центр, 2) центр торговли, 3) торгово-ремесленный центр и центр сельскохозяйственной округи. Эта схема, вполне пригодная для XVII и первой половины XVIII вв., мало применима ко времени, когда усилилась дифференциация социальной структуры, профессиональных занятий и произошло усложнение сферы культуры.

Вплоть до последней четверти XVIII в. официальное православное духовенство, чиновники и военные нередко оставались в зауральских городах на положении культурных маргиналов, несмотря на принадлежащие им властные полномочия. В условиях незавершенности колонизационных процессов на территориях, лежащих к востоку от Урала, преобладала архаичная патриархальная культура. Фактически в небольших городах и вокруг них сущест-

вовало неустойчивое равновесие: образованному меньшинству, доминировавшему во власти, противостояло традиционалистически настроенное большинство, доминировавшее в культурно-бытовой сфере и отчасти в сфере экономики. Однако события Крестьянской войны 1773–1775 гг. наглядно показали, что степень образованности и культуры жителей зауральских городов и торговых поселений выше, чем у крестьян. Жители Шадринска, Долматова, Туринска, Верхотурья, Ирбитской слободы смогли, невзирая на свои социальные предпочтения, понять самозванчество Пугачева. Вряд ли их выбор был случаен.

Благодаря Крестьянской войне смогло свои выводы сделать и самодержавие. Со второй половины 70-х – начала 80-х гг. XVIII в. сведение разрозненных элементов городской культуры в единое системное образование было усилено реформами Екатерины II в области местного управления. Эта же тенденция прослеживалась и во время царствования Александра I. Зауральские города получили регулярную планировку, в них появились школы, больницы, строились здания государственных и общественных учреждений, размещались инвалидные команды. Уменьшилась доля крестьянского населения, которое смещалось из центра на окраины, либо переселялось за город. И напротив, усиливалась социальная привлекательность носителей европейской культуры и их окружения.

Консервативная внутренняя политика Николая I свидетельствовала о том, что европеизация России уже приняла необратимый характер. К этому времени в России окончательно завершился послевоенный период выбора путей развития. В экономической сфере усилилось купечество и связанные с ними слои населения. Большинство городов Зауралья активно включились в межрегиональную торговлю. Доходы от предпринимательства создавали материальные предпосылки для распространения европейской культуры. Разбогатевшее купечество, стремясь влиться в ряды господствующего класса, заимствовало его культурные навыки, тянулось к европейскому комфорту. Нередко это стремление принимало крайне вульгарные карикатурные формы, отчуждало человека от одной культуры и не приобщало к другой. Одновременно в сфере государственного управления был взят курс на ужесточение бюрократического контроля. Основной задачей самодержавия в исследуемый период было ограничение негативного воздействия европейской культуры. Ее буржуазные начала теперь стали реальной угрозой для рос-

сийских феодальных порядков. При этом быстрый рост бюрократического аппарата не позволял игнорировать ценности профессионального образования.

В итоге образовательный прогресс оказывался внутренне противоречивым: получение индивидом рационально обоснованной информации наталкивалось на жестко очерченные пределы. Социально-активная личность, ориентированная на расширение собственного кругозора, со временем утрачивала психологическую близость с окружающими его людьми. Не случайно, что начиная со второй четверти XIX в. возникает устойчивое стремление зауральских провинциальных интеллигентов сотрудничать со столичными газетами и журналами, научными обществами. Потребность осознать себя, свое окружение, наивные попытки создать новые социальные связи взамен утраченных, объективно разрушали прежнее корпоративное единство, характерное для сословного строя.

Вышеизложенное относится не только к немногочисленным представителям интеллигенции. В сложившихся условиях многие социальные слои в зауральских городах объективно выступали в качестве деструктивной силы. Благодаря им начиная с последней четверти XIX в. зауральские города приобрели новую важную функцию – стали реципиентами европейской культуры и тем самым утратили свое внутреннее системное единство. Проникновение новых социальных норм в провинциальную среду вызвало ее культурный раскол. Маргинализация затронула как старую патриархальную, так и новую рационалистическую культуру. В условиях возрастания вертикальной и горизонтальной социальной мобильности носители культуры оказались дезориентированы, маргинализировались сами и маргинализировали пассивную часть населения.

О.В. Меженина

Алтайский государственный университет

СТРУКТУРА МЕЩАНСКОЙ СЕМЬИ КОЛЫВАНСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА В КОНЦЕ XVIII в.

Большой интерес для исследователей в современной науке представляют проблемы демографического развития семьи. Структура семьи рассматривалась с разнообразных позиций, например, в зависимости от того, к какой социальной страте она принадлежит. Но если крестьянская, купеческая и дворянская семьи достаточно полно освещены в отечественной науке, например, в трудах

Ю.М. Гончарова, Н.А. Миненко, то проблема мещанской семьи пока остается малоизученной [1]. По свидетельству Ю.М. Гончарова, в дореформенные годы в Западной Сибири мещане составляли 39,6% жителей городов региона. Причем в разных городах их численность была различной. В Бийске, например, чуть более половины (52,5%) жителей было причислено к мещанскому обществу [2, с. 110]. Последнее обстоятельство также обусловило интерес автора к проблемам мещанского населения Западной Сибири дореформенной эпохи. Нельзя утверждать, что эта проблема совсем избежала внимания ученых. Вопросы динамики численности и состава мещанского населения рассматривались в работах Б.Н. Миронова, А.Р. Ивонина, А.Е. Зуевой, Л.В. Останиной, М.Г. Рутц и т.д. [3]. Однако мещанская семья все еще остается слабоизученным объектом исследования. Исходя из степени изученности проблемы, в предлагаемой работе ставится задача анализа структуры семей мещанского населения Колыванского наместничества 1795 г.

Раскрытию темы в значительной мере способствовали ведомости Бийского городского магистрата [4]. Эти ведомости включали поименные списки мещан, которые составлялись для записей оплаты податей. Поскольку налоги платили только мужчины, постольку женская половина не нашла отражения в источнике, что необходимо учитывать в статистическом анализе и иметь в виду возможные погрешности. В списке ведомостей насчитывается 703 мещанина, из них семейные хозяйства составляли 380 ячеек.

Изучение структуры семьи имеет важнейшее значение для ее классификации. В целом в литературе не сложилось общепринятой точки зрения на проблему типологии семьи. Учитывая специфику нашего источника, мы будем применять классификацию, в которую войдут пять типов семейных организаций: 1) одиночки; 2) малые; 3) расширенные; 4) братские; 5) составные.

К **одиноким** будут относиться семьи, состоящие из одного человека. Под **малыми** семьями понимаются ячейки, включающие одну супружескую пару с неженатыми детьми или без детей. **Расширенными** называются семьи, образующиеся в случае женитьбы хотя бы одного из представителей младшего поколения в малой семье, рождения детей в новой брачной паре. Следовательно, расширенные семьи – это некая трехпоколенная структура, включающая в себя отца, детей и внуков, связанная прямой линией родства. Под **братской** семьей понимается ячейка, состоящая из совместно

живущих без родителей братьев с их семьями. Данная категория также включает в себя женатых родственников бокового родства (племянники, дядя) со своими семьями. Ячейки, включающие 6 и более душ мужского пола, войдут в категорию **составных**.

Группировка семей мещан по типам внутренней структуры представлена в таблице 1. Ее анализ показывает, что среди мещан Колыванского наместничества большинство составляли предельно простые ячейки. Значительное количество мещан являлись одиночками – до 59% и простыми малыми семьями, их насчитывалось 22%. Из-за отсутствия в документе лиц женского пола можно предположить, что основная часть из 59% мещан были женаты. Значит, приблизительно до 80% мещан Колыванского наместничества в конце XVIII в. составляли малые семьи. Вероятно, причиной тому явилось то, что часть мещан были переселенцами (обычно из деревень или из других мест). Переезжали они, возможно, не всей семьей. Незначительную долю составляли также различные варианты немногочленной расширенной семьи – 4,7% семей. Эти ячейки образовывали некий классический вариант: престарелый родитель с двумя-тремя сыновьями, один из которых, например, был бы уже женат и имел собственного сына. Были такие варианты расширенных семей, где вместе с супружеской парой, их детьми и внуками, жили неженатые племянники, внучатые племянники или какой-нибудь овдовевший дядя.

Таблица 1

Внутренняя структура мещанских семей 1795 г.

Тип семьи	Одино- кие	Малая	Расширен- ная	Брат- ская	Состав- ная*
Душ м.п.	223	83	23	45	11
%,	59	22	4,7	11,8	2,9

* С 6 и более членами мужского пола.

Источник: ЦХАФ АК. Ф. 190. Оп. 1. Д. 1. Л. 143–150.

Определенную долю составляли братские семьи – 11,8%. В эту категорию включены только относительно немногочленные ячейки (не более 5 душ м.п.), где проживали вместе четыре брата, один из которых был, возможно, женат и являлся кормильцем всей семьи. Совокупная доля составных семей, которые включали в себя и многолюдные расширенные семьи и сложные братские ячейки,

насчитывала всего 2,9% от общего количества семей. Причем только две семьи среди них насчитывали 10 мужчин разнообразных возрастов. Это семьи Губкиных и Зеленцовых. Следовательно, на данной территории еще не были сформированы большие многопоколенные фамильные гнезда, в то время как в Центральной России уже разрушались вековые патриархальные семьи [5]. Вместе с тем для большинства других сословий, проживавших в городах, была характерна еще более низкая доля сложных семей, чем для мещан. Этому «способствовал более ранний возраст вступления в брак, необходимость семейной кооперации у ремесленников некоторых специальностей...» [2, с. 167] и т.д.

Сравнение материалов 1795 г. с более поздними фактами позволяет выявить некоторые тенденции в общем демографическом развитии мещанской семьи Колыванского наместничества. По данным Ю.М. Гончарова, в г. Бийске, например, по сравнению с 1795 г., исчезла категория одиночек, значительно уменьшилась доля братских семей – до 5,6%. Обращает на себя внимание тот факт, что и в конце XVIII и в XIX вв. все также незначительно количество составных семей. В 1867 г. их доля составляет 1,2% [2, с. 371].

Таким образом, исходя из вышесказанного можно сделать следующий вывод: в конце XVIII в. среди мещанства преобладающей формой семейной жизни становится малая семья. Она становится главной, а иногда и единственной формой жизни для всего городского населения Западной Сибири.

Примечания

1. Миненко Н.А. Городская семья в Западной Сибири на рубеже XVII–XVIII вв. // История городов Сибири досоветского периода; Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX начала XX вв. (по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири). М., 1999.

2. Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX–начала XX в.: Монография. Барнаул, 2002.

3. Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. М; Л.: 1990; Зуева Е.А. Русская купеческая семья в Сибири конца XVIII – первой половины XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1992; Ивонин А.Р. Западносибирский город последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX в. Барнаул, 2000; Рутц М.Г. Социальный состав городского населения

Западной Сибири в первой половине XIX в. // Демографическое развитие Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1991.

4. ЦХАФ АК. Ф. 190. Оп. 1. Д. 1. Л. 143–150.

5. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 2000. Т. 1. С. 219–220.

В.П. Бойко

Томский государственный педагогический университет

**ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ДЕКАБРИСТОВ В СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.
(к постановке проблемы)**

История декабризма является одним из краеугольных камней отечественной истории. Различные позиции, с которых рассматриваются проблемы декабризма в отечественной и зарубежной историографии, только подчеркивают значимость и актуальность этой темы. В нашей литературе уже делались попытки охарактеризовать отношение декабристов к предпринимательству в целом и купечеству в частности. Это касается прежде всего статьи А.В. Семеновой, которая затем после переработки и дополнения была опубликована отдельным разделом в первом томе капитального труда «История предпринимательства в России» [1].

Большей частью материалы многих публикаций коснулись отношений декабристов к предпринимательству до их восстания в Петербурге и на юге России. Косвенно освещали предпринимательство декабристов в Сибири советские историки, большинство работ которых вышло в Иркутске. Однако в целом эта проблема не являлась предметом отдельного исследования, хотя список работ по истории декабристов в Сибири довольно внушителен.

Целью данной работы является определение основных направлений изучения предпринимательской деятельности декабристов в Сибири во второй четверти XIX в. Важность этой проблемы подтверждается давним наблюдением Ю.М. Лотмана об особом, отличающемся от типично дворянского, поведении декабристов в повседневной жизни [2].

Во многом предпринимательство декабристов в Сибири было предопределено их близостью к буржуазным кругам Петербурга, Москвы и других городов. Общеизвестен и достаточно хорошо изучен факт тесной связи некоторых декабристов с Российско-Американской компанией, правителем дел канцелярии которой

был К.Ф. Рылеев. В здании этой компании декабристы часто собирались. Предстоит еще более детально изучить взаимоотношения декабристов с самыми разными сословиями, в том числе с буржуазными кругами на протяжении первой половины XIX в.

Заниматься предпринимательством в Сибири многих ссыльных декабристов заставляла самая настоящая нужда, так как на их содержание выдавалось чуть больше сотни рублей (113 руб. 60 коп.). Лишь немногие из ссыльных принадлежали к высшей аристократии и состоятельным людям. Подавляющее большинство из них жило за счет служебного жалования и принадлежало к беспоместному и мелкопоместному дворянству. К сожалению, это не стало предметом специального исследования и еще предстоит в деталях определить имущественное состояние участников движения декабристов и на этой основе сделать соответствующие выводы.

Одним из основных направлений изучения поставленной темы является исследование программных документов декабристов, которые включают в себя не только известные «Конституцию» Н. Муравьева и «Русскую Правду» П. Пестеля, но и теоретические работы Г.С. Батенькова, В.И. Штейнгеля, А.И. Якубовича, повести и очерки А.А. Бестужева-Марлинского, мемуары Н.В. Басаргина, А.Н. Розена, Д.И. Завалишина, стихи А.И. Одоевского и другие работы декабристов. В них можно найти многие оценки российского и сибирского купечества, буржуазного пути развития России и Сибири, характеристику собственного участия в сибирском предпринимательстве.

Конкретная предпринимательская деятельность в Сибири является другим важнейшим аспектом исследования в заявленной в статье проблемы. Многие декабристы вынуждены были в силу разных причин искать дополнительные источники дохода, заниматься непривычными для себя делами. Например, А.Н. Розен занимался в Западной Сибири хлебопашеством, Д.И. Завалишин в Восточной Сибири – огородничеством, И.Б. Аврамов торговал в Туруханском крае хлебом, Ф.Ф. Вадковский торговал в Енисейской губ. разными товарами, А.И. Якубович и И.И. Пущин пытались заниматься золотопромышленностью [3].

Список декабристов, которые с разной степенью успешности занимались в Сибири коммерческой деятельностью, можно многократно увеличить. Вся эта информация отражает только первое впечатление от предпринимательства декабристов в Сибири. Многократное расширение источниковой базы исследования, детальное изучение теоретического наследия декабристов, введение в оборот

неизвестных и малоизвестных архивных документов даст возможность высветить различные стороны коммерческой деятельности декабристов в Сибири.

Предварительно можно сделать заключение, что эта сфера общественной и хозяйственной деятельности декабристов не была их сильной и эффективной стороной. Многие начинания не могли дать их инициаторам ожидаемого дохода, так как декабристы не имели для этого профессиональной подготовки и по своей социальной сути были в основном дворянами, т.е. людьми, традиционно ориентированными на выполнение служебных, прежде всего военных, обязанностей. Отсутствие предпринимательской инициативы, необходимых навыков работы в области золотопромышленности, транспорта, обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства помешали выдвинуться декабристам в скольконбудь крупные сибирские предприниматели. В то же время на поприще военной и гражданской службы декабристы были более успешны и многие из них смогли вновь получить классные чины и, несмотря на противодействие местной и центральной власти, довольно быстро продвигались по служебной лестнице.

Примечания

1. Семенова А.В. Декабристы и купечество // Город и горожане России в XVII первой половине XIX вв. С. 183–207; История предпринимательства в России. Кн. 1-я: От Средневековья до середины XIX в. М., 2000. С. 373–380.
2. Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 25–74.
3. Декабристы: Биографический справочник. М., 1988.

А.Н. Жеравина

Томский государственный университет

«ЗОЛОТОЕ ВРЕМЯ» ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТА РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

В современном сибиреведении продолжают сохраняться расхождения по одному из самых главных вопросов истории кабинетского хозяйства. Без специального изучения обстоятельств, при которых оно сформировалось, исследователи считают его государ-

ственной, кабинетской, личной императорской собственностью, собственностью императорского двора, фамилии [1].

Между тем сохранение разногласий в определении собственника кабинетского хозяйства делает невозможным не только занятие по реконструкции его исторического прошлого [2], но и решение важнейших проблем общероссийской истории.

В последние годы в сибиреведении начинают утверждаться позиции исследователей, полагающих, что с возникновением кабинетского хозяйства на Алтае появились благоприятные условия для решения проблемы пополнения государственной казны за счет золота и серебра с Колывано-Воскресенских заводов [3].

Такой вывод делается вопреки установленным фактам поступления монеты, изготовленной из драгоценных металлов с Алтая в «комнату Е.И.В.». Хранившиеся в ней деньги не являлись частью государственной казны. Они составляли собственность владельца кабинетского хозяйства – русских императриц и императоров.

Факт передачи Петром III в 1762 г. золота и серебра с Алтая на чеканку 1 млн руб. без учета условий этой передачи расценивается как проявление поддержки госбюджета страны. Хотя известно, что еще Елизавета Петровна в декабре 1760 г. «пожаловала для снабжения армии заимообразно (как и Петр III сделал это «заимообразно». – А.Ж.) 1000 пудов серебра» на перечекалку в монету [4].

В первые дни после восшествия на престол Екатерины II Сенат сделал ей представление «о крайнем недостатке денег в казне». Он был частично покрыт за счет выделения императрицей «из собственных сумм» 300 тыс. руб. Но этих средств не могло хватить на преодоление дефицита госбюджета, составлявшего в 1762 г. 1152 тыс. В том же 1762 г. Екатерина II из «комнатных сумм» начала выплачивать свои долги, в размере 675 тыс. руб., накопленные за годы жизни при дворе на положении великой княгини. «Страшная сумма...» – как позднее признает она сама [5].

В 1769 г. в Государственном Совете начиналось обсуждение вопроса о возможности передела в деньги турецких пушек, захваченных во время русско-турецкой войны. К концу апреля 1771 г. медной монеты из пушек было изготовлено на 0,5 млн руб. с изображением на них гербов Молдавского и Валашского княжеств.

С российскими купцами за их поставки для армии русское командование рассчиталось этими деньгами. В середине 70-х гг.

купцы добивались принятия их в казну и выдачи взамен российских денег [6].

В целях сокращения дефицита госбюджета с 1 января 1769 г. в денежное обращение стали вводиться бумажные ассигнации на сумму в 1 млн руб. Они приравнялись к «ходячим монетам». Выпуск ассигнаций с каждым годом возрастал, и к концу правления Екатерины II они составили 158 млн руб. И хотя императрица гарантировала надежность бумажных денег не только от себя лично, но и от имени своих преемников, объемы и реальная стоимость ассигнаций очень скоро разошлись, к 1796 г. стоимость одной ассигнации равнялась 69 коп., стремительно снижаясь в последующие годы [7].

В конце 60-х же гг. XVIII в. было объявлено повеление Екатерины II рассмотреть в Государственном Совете возможность «чрез уменьшение оных расходов получить некоторую выгоду» [8].

Это никоим образом не коснулось расходов императрицы. Благодаря «комнатной сумме» она не испытывала каких-либо затруднений.

Американская исследовательница Сюзанна Масси считает, что Екатерина II «была расточительна даже больше, чем Елизавета. Она сорила деньгами в масштабах, до того не виданных в России... Она знала, что деньги – мощное оружие, позволяющее завоевывать сердца людей... Она использовала ум как одно из средств в завоевании всеобщего поклонения; деньги – как второе» [9].

Известно, с какой торжественностью отмечались дни восшествия на престол, коронации Екатерины II, которая долго и щедро рассчитывалась крестьянами, а также деньгами и драгоценностями из «комнатных сумм» за оказанные ей услуги при вступлении на престол. В ноябре 1782 г. она писала своему давнему корреспонденту барону Гримму: «Двадцать лет Нашего царствования отпразднованы делами милости. Вот как надо чествовать подобные эпохи. Это год милости и все тут!» [10].

В 1771 г. в Балтийском море затонул корабль, на котором из Амстердама была отправлена для императрицы закупленная там коллекция картин стоимостью в 60 тыс. руб. Екатерина II писала по поводу напрасной траты такой суммы денег: «Надобно обойтись без них, в нынешнем году я имела несколько неудач в подобных случаях, что делать? Остается только утешиться» [11].

24 января 1772 г. Вольтер пишет Екатерине II: «Вы непостижимы. Едва море Балтийское поглотило картины на 60 тыс. ефим-

ков... как Вы покупаете во Франции на 450 тыс. ливров. Сверх того Вы собираете еще в Италии тысячу редкостей. Признаюсь Вам искренне, что я не знаю, откуда Вы берете столько денег?» В августе 1772 г. Вольтер снова изумляется: «В газетах пишут, что Вы покупаете в Амстердаме бриллиант почти в три миллиона», на что императрица отвечает: «торгую алмаз величиною с яйцо». А на вопрос откуда она берет деньги, следует ответ: «...не судите о наших деньгах по доходам других разоренных государств европейских, вы обидите меня этим... вы удивитесь, что я покупаю много картин, может быть, для меня было бы лучше покупать их поменьше в настоящую минуту, но упущенные возможности не возвращаются. К тому же **мои собственные деньги не смешиваются с государственной казной**» (выделено мной. – А.Ж.) [12].

Обладание колоссальными денежными средствами, сосредоточенными в «комнате Е.И.В.», позволяло императрице не ограничивать себя в удовлетворении постоянно растущих запросов в условиях все ухудшавшегося положения в государственной казне.

Лишь иногда Екатерина II шла на выделение средств из «комнатных сумм» на общегосударственные расходы. В сентябре 1787 г. на нужды войны императрица распорядилась о передаче половины полученной из монетного двора золотой и серебряной монеты в обмен на государственные ассигнации [13]. В следующем 1788 г. по распоряжению Екатерины II кабинет заплатил 2006 р. за 100 быков, отправленных для войск в Финляндии [14]. Но эти средства были каплей в море быстро растущего государственного бюджета.

С 1797 по 1800 г. государственный казначей Васильев заплатил в счет погашения внутренних и внешних долгов около 170 млн руб., после чего их осталось еще на 85 с лишним млн руб., что на 7 с лишним млн руб. было меньше затрат Екатерины II на ее многочисленных фаворитов [15].

Покрытие дефицита госбюджета, равно как и пополнение государственной казны, не сопровождалось тратой на эти цели «комнатных денег». Правительство в поисках средств для удовлетворения потребностей страны в деньгах шло по пути повышения цены на соль, вино, прямых и косвенных налогов, выпуска медных денег и бумажных ассигнаций [16].

Увеличение добычи золота и серебра на Колывано-Воскресенских заводах не могло сказаться на улучшении состояния государственного бюджета России во второй половине XVIII в. Если

это время оказалось «золотым», то только для императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II, обладавших несметными богатствами за счет обладания Колывано-Воскресенскими, а с 1787 г. Нерчинскими заводами на правах личной собственности.

Примечания

1. Барнаул: Энциклопедия. Барнаул, 2000. С. 39, 46, 99, 180, 324; Ведерников В.В. Горные инженеры Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа в 1747–1896 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2002. С. 26–27.

2. Соболева Т.Н. Управление приписными крестьянами Алтайского округа в 20–50-е гг. XIX в. // Хозяйственное освоение Сибири. История, историография, источниковедение. Томск, 1999. Вып. 1.

3. Кричевцев М.В. Кабинетская система центрального управления горнозаводским хозяйством Урала и Сибири во второй половине XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1995; Бирюков А.Д. О роли Колывано-Воскресенских заводов в обеспечении сырьем Петербургского монетного двора в XVIII–XIX вв. // Студент и научно-технический прогресс: Мат. XLI междунар. науч. студ. конф. Ч. I: История. Новосибирск, 2003.

4. Архив Государственного Совета. СПб., 1869. Т. I. Ч. III. С. 312.

5. Записки императрицы Екатерины II. СПб., 1907. С. 76.

6. Архив Государственного Совета. Т. I: Совет в царствование императрицы Екатерины II (1768–1796 гг.). СПб., 1869. С. 311–314.

7. Белоусов Р.А. Государственный бюджет дореволюционной России // Экономическая история России XIX–XX вв.: Современный взгляд. М., 2000. С. 38–40.

8. Архив Государственного Совета СПб., 1869. Т. I. Ч. II. С. 411.

9. Сюзанна Масси. Земля Жар-птицы. СПб., 2000. С. 141.

10. Из писем Екатерины II барону Гримму // Русский архив. М., 1878. Кн. III. С. 46.

11. Неверов О.Я., Пиотровский М.Б. Эрмитаж. Собрания и собиратели. СПб., 1997. С. 21.

12. Там же. С. 12, 21; Переписка Екатерины Великой с господином Вольтером. М., 1803. Ч. I. С. 79, 112–113; Ч. II. С. 31.

13. Архив Государственного Совета. СПб., 1869. Т. I. Ч. II. С. 315.

14. Собственноручные письма и записки императрицы Екатерины II // Русский архив. М., 1901. Вып. 6. С. 59.

15. Архив Государственного Совета. СПб., 1878. Т. III. С. 613.

16. Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Е.И.В. канцелярии. СПб., 1889. Вып. 3. С. 329, 368, 369;

Троицкий С.М. Источники доходов в бюджете России в середине XVIII в. (20–60-е годы) // История СССР. 1957. №3. С. 180–181; Он же. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966. С. 215–220, 245.

А.А. Пережогин

Алтайский государственный университет

ОСОБЫЕ ВОЕННО-СУДНЫЕ КОМИССИИ НА КАБИНЕТСКИХ ЗАВОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В XVIII–XIX вв. военный суд получил широкое распространение не только в армии, но был включен в систему управления отраслями экономики, от которых зависели обороноспособность страны, финансовые интересы государства и его главы. В том числе он использовался на Колывано-Воскресенских заводах, находившихся в ведении Кабинета Его Императорского Величества.

Процесс формирования военного суда, начальный период его деятельности на кабинетских предприятиях являлись предметом исследования в наших публикациях 2002 г. [1]. Вместе с тем вопрос особых военно-судных комиссий на кабинетских предприятиях Западной Сибири никогда не привлекал внимания исследователей. Целью настоящего сообщения является восполнение этого пробела. Оно базируется на опубликованных и неопубликованных источниках законодательного и делопроизводственного характера.

Первые сведения о деятельности дополнительных комиссий военного суда на Колывано-Воскресенских заводах относятся к концу XVIII в. Всего нам удалось выявить 16 особых военно-судных комиссий, действовавших на кабинетских предприятиях Западной Сибири в XVIII–XIX вв. Из них четыре функционировали в 1793–1797 гг., десять – в 1817–1834 гг., две – в 1863–1867 гг. При этом 12 находились в Барнауле, по две – в Змеиногорске и Салаире. В 1822–1825 гг. в Барнауле одновременно работали четыре особые комиссии военного суда. Срок полномочий особых военных судов простирался от нескольких месяцев до 13 лет. Объем их деятельности охватывал от одного до нескольких десятков дел. В XIX в. организация дополнительных военно-судных комиссий регламентировалась проектом Горного положения 1806 г., «Учреждением об управлении Колывано-Воскресенских горных заводов» 1828 г., указом министра финансов Е.Ф. Канкрин от 4 ноября 1830 г. [2].

Особые военные суды состояли из презуса (председателя), от 2 до 6 ассессоров (заседателей), аудитора с надзорными функциями за законным ведением процесса. В целом служебное положение выявленных нами членов особых комиссий военного суда выглядело следующим образом. Среди председателей было 4 военных офицера, 12 горных офицеров, 2 статских чиновника, 1 горный инженер. Обязанности ассессоров выполняли 13 военных офицеров, 26 горных офицеров, 2 горных чиновника, 2 статских чиновника. Аудиторами являлись 1 военный офицер, 1 горный офицер, 3 статских чиновника, 2 унтер-офицера, 2 из горных нижних чинов, 2 приказных служителя [3]. В отличие от презуса, ассессоры и аудиторы особых военно-судных комиссий нередко являлись членами постоянно действовавших военных судов. Поэтому только от персоны специально назначенного горным начальством председателя зависел статус военно-судной комиссии как особо учрежденной. Довольно часто презусами особых военных судов были высокопоставленные представители горной бюрократии – члены Горной канцелярии (В.К. Буянов, А.М. Горохов), управляющие горных (заводских) контор (И.И. Черницын, В.Ю. Соймонов, А.Г. Качка, А.Ю. и В.А. Юргенсоны, А.Б. Остермейер). Как и председатели, ассессоры совмещали свою должность с другими обязанностями. Так, например, в 1825 г. заседатель особой военно-судной комиссии И.П. Семенов одновременно являлся секретарем Канцелярии горного начальства, а также заведовал заводской библиотекой и типографией. Кроме того, он занимался делопроизводством Оспенного комитета [4].

Всего нам удалось выявить 165 судебных дел, которые поручались особым военно-судным комиссиям. Они условно делятся на три группы. К первой относятся 116 дел (70,3%) по преступлениям против государственного и заводского порядка управления: «слово и дело государево» – 1, казнокрадство – 17, должностные преступления и служебные проступки – 41, незаконное написание прошений – 3, поджог казенного имущества – 1, нарушение порядка карательной и конвойной службы – 2, побеги – 22, вступление в брак без разрешения начальства – 1, нарушение общественного порядка – 1, неповиновение начальству – 6, массовое невыполнение урочных работ – 20, намерение убить начальника – 1. Ко второй группе относятся 12 дел (7,3%) по преступлениям против личности: убийство – 1, телесные повреждения – 9, оскорбление словом частных лиц – 2. Наконец, третья группа из 37 дел (22,4%) охватывает преступления против собственности частных лиц: кражи – 31, грабеж – 2, порча имущества – 2, мошенничество – 2. Под особым военным судом со-

стояло не менее 292 лиц. Их социальный статус и служебное положение выглядели так: военные офицеры – 5 (1,7%), горные офицеры – 31 (10,6%), статские чиновники – 4 (1,4%), земские управители – 17 (5,8%), унтер-офицеры – 25 (8,6%), горные нижние чины – 23 (7,9%), приказные служители – 12 (4,1%), мастеровые и работные люди – 97 (33,2%), урочники – 54 (18,5%), солдаты и денщики – 20 (6,8%), инвалиды – 4 (1,4%) [5].

Анализ военно-судных дел и подсудимых позволяет нам сделать вывод, что одним из главных мотивов организации дополнительных военных судов являлось осуществление правосудия по должностным преступлениям и казнокрадству горной бюрократии, горных нижних чинов, приказных служителей, командного состава ведомственного военизированного подразделения (40% всех подсудимых). Особое место в этом круге дел занимали служебные злоупотребления Барнаульской комиссии военного суда и должностные правонарушения земских управителей. Любопытно также отметить, что презус одной из дополнительных военно-судных комиссий бергмейстер А.А. Слатин исполнял служебные обязанности, являясь одновременно подсудимым другой специально учрежденной комиссии военного суда [6]. Тем не менее пока мы не располагаем ни одним примером лишения офицерских рангов и дворянства классных чиновников за совершенные противоправные действия по приговорам особых военных судов. Единственной ощутимой репрессивной мерой для них являлись секвестр имущества и денежные взыскания, например, с обер-бергмейстера И.И. Медера было удержано 3486 руб. 59 коп. [7].

Также следует выделить стремление горной администрации за счет дополнительно созданных комиссий ускорить процесс судопроизводства при скоплении дел в основных военных судах. Именно этим обстоятельством объясняется наличие в приведенных выше данных значительного числа дел о побегах, кражах, и других, не претендующих на статус особо важных. В 1829–1830 гг. в Змеиногорске действовала особая военно-судная комиссия под председательством маркшейдера А.И. Кулибина с задачей «усилить скорейшее производство и решение дел» в Змеиногорской комиссии военного суда [8]. Наконец, формирование особых военных судов стимулировали родственные или неприязненные отношения начальника заводов и презусов Барнаульской военно-судной комиссии с подсудимыми. Эта причина была единственной при учреждении дополнительных комиссий военного суда в конце XVIII в. [9].

Демилитаризация системы управления Алтайского горного округа повлекла за собой упразднение ведомственных судебных учреждений. К 1868 г. была окончательно ликвидирована практика организации особых комиссий военного суда.

Примечания

1. Пережогин А.А. Формирование института военного суда в Колывано-Воскресенском горном округе (1747–1780 гг.) // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2002. С. 161–164; Пережогин А.А. Ведомственный военный суд на кабинетских предприятиях Западной Сибири (1777–1800 гг.) // Известия АГУ. 2002. №4(26). С. 15–19.

2. ПСЗРИ-1. Т. 29. №22208. С. 612-613; ПСЗРИ-2. Т. 3. №1960. С. 422 ; ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 69. Л. 18–18 об.

3. ЦХАФ АК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 64, 2041, 2147, 2386, 2698, 2822, 2915, 3003, 3167, 3226, 3229, 3382, 3406, 3421, 3482, 3760; Ф. 2. Оп. 1. Д. 4027а; Оп. 2. Д. 1321; Ф. 24. Оп. 1 доп. Д. 7; Ф. 60. Оп. 1. Д. 178; Ф. 169. Оп. 1 доп. Д. 37а.

4. Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3482. Л.42 об. – 43.

5. Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 55, 208, 2147, 2698, 2915, 3148, 3167, 3990; Ф. 2. Оп. 1. Д. 1625, 1626; Оп. 2. Д. 1321, 1351, 1378а; Ф. 24. Оп. 1. Д. 79–82, 107, 124, 125, 131, 141; Оп. 1. доп. Д. 7, 9; Ф. 25. Оп. 1. Д. 31, 33; Ф. 60. Оп. 1. Д. 172, 175, 178; Ф. 169. Оп. 1. Д. 725, 769, 862; Оп. 1. доп. Д. 37а, 47.

6. Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3148. Л. 7–8.

7. Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2915. Л. 80, 988–989.

8. Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2147. Л. 292–297 об.

9. Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 55. Л. 69–70; Ф. 169. Оп. 1. Д. 727. Л. 367–368; Д. 789. Л. 68–68 об.

А.А. Толстова, Е.С. Юрьева

Томский государственный университет

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ И НАРОДА НА ПРИМЕРЕ КАБИНЕТА И АЛТАЙСКОГО ПРИПИСНОГО КРЕСТЬЯНСТВА*

Важное значение для познания истории того или иного общества имеет изучение взаимодействия власти и народа – непосредственного или опосредованного воздействия (субъектов) друг на друга, порождающего их взаимную обусловленность и связь [1].

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект №03–01–008 78а.

И важно посмотреть на управление не вообще, а с точки зрения выработки опыта взаимодействия власти и народа. Это требует нового видения, осмысления и концептуального наполнения традиционных для сибиреведения тем. На современном этапе важное значение имеют концепции истории аграрного развития, которые получили обобщающее название – крестьяноведение. Оно исходит из того, что крестьянство включено в исторический процесс не пассивно, а активно, хотя эта активность не всегда заметна и очевидна, ибо крестьянам не дано формулировать свои интересы, и, следовательно, непосредственно влиять на политическое развитие общества, государства, на власть. Историческим опытом становления взаимодействия на уровне взаимоприемлемых отношений между властью и народом являются процессы, происходившие в Колывано-Воскресенском (Алтайском) горном округе в дореформенный период.

С 1747 г. Колывано-Воскресенские заводы изъяты у Демидовых, оказались под управлением Кабинета. Распоряжения Кабинету относительно Колывано-Воскресенских заводов могли исходить только от императора. Он не был подведомственен государственному казначейству (Кабинет имел свое) и государственному контролю. Общеимперское законодательство на подведомственное Кабинету хозяйство не распространялось, если это не было специально оговорено [2].

Местное управление имело особое устройство, приспособленное к обслуживанию горно-металлургического комплекса. Полицейская, судебная и хозяйственная власть находилась в руках начальника Колывано-Воскресенских заводов и горной канцелярии, подчиненных Кабинету. Начальник в пределах округа имел права губернатора, канцелярия – губернского правительства, уголовного и гражданского суда. Земская часть канцелярии заведовала приписной деревней, действуя через особых чиновников – земских управителей, которые входили в штат управления горного округа, полностью зависели по службе от начальника заводов и канцелярии, получали жалованье из сумм, выделяемых Кабинетом на содержание окружной администрации. Только тяжкие уголовные преступления приписных крестьян, купцов и мещан подлежали разбирательству в уездных судах и Томской губернской палате уголовного и гражданского суда. Своеобразие управления приписными крестьянами заключалось также и в прямом подчинении волостных и сельских общин кабинетским горнозаводским учрежде-

ниям, в более жестком контроле и давлении с их стороны на приписную деревню.

Реформа М.М. Сперанского нанесла удар по единовластию кабинетских чиновников в приписной деревне, введя в 1824 г. двойную административную зависимость приписных крестьян от горного и губернского начальства (губернским учреждениям возвратили полицейскую власть). Но в то же время полицейские и судебные права томских чиновников уступали хозяйственной власти горного правления и земских управителей. И на деле двойная административная зависимость являлась фикцией, которая в 1824–1861 гг. прикрывала единовластие горной бюрократии в алтайской приписной деревне [3].

Таким образом, в исследовании системы управления на кабинетских землях Западной Сибири как олицетворении власти могут быть намечены следующие базисные принципы ее построения. Цель власти – это прежде всего получение максимальной прибыли от эксплуатации горно-металлургического комплекса на Алтае. При этом объем прибыли был прямо пропорционален объему властных полномочий на всех уровнях управления. Система управления охватывала почти все стороны жизни приписного крестьянина и включала в себя такой компонент, как взаимодействие. Реальным воплощением данного процесса можно считать корректировку, изменение способов достижения цели, установленных органами власти с учетом опыта взаимодействия со специфическим объектом управления – приписным крестьянством. Это положение становится очевидным при изучении таких вопросов истории приписной деревни, как найм и хлебная торговля.

Сам найм в приписной деревне говорит о наличии имущественного и социального расслоения в среде крестьян. Горное начальство пыталось предотвратить широкое распространение найма в заводские работы за более высокую по сравнению с официальными расценками плату. Это было продиктовано желанием не допустить большой диспропорции между зачетами труда крестьян по плакату и по найму и, следовательно, недовольства низкими расценками. Подобными методами власть регулировала и хлебную торговлю.

С первых дней существования горного округа перед властью стояла проблема снабжения заводов провиантом и фуражом, которая разрешалась с помощью принудительных поставок. Чтобы обеспечить выполнение этой повинности, заводская администрация

запрещает агентам военного ведомства покупку хлеба и вывоз его за пределы горного округа.

Таким образом, в кабинетском хозяйстве искусственно сдерживалось развитие хлебной торговли, что было следствием постоянного стремления Кабинета решать проблему снабжения заводов и рудников провиантом и фуражом с меньшими затратами.

Власть ставила перед собой цель – постоянное получение высоких доходов, народ – самосохранения: взаимодействие Кабинета и алтайского приписного крестьянства было причинно обусловлено, и как материальный процесс сопровождалась передачей материи, движения и информации, выступая фактором успешного функционирования горно-металлургического комплекса в целом.

Примечания

1. Психология: Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1990. С. 51–52.

2. Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск, 1973. С. 57–58.

3. Соболева Т.Н. Управление приписными крестьянами Алтайского горного округа в 20–50-е гг. XIX в. // Хозяйственное освоение Сибири: История, историография, источники. Томск, 1991. С. 28–36.

В.В. Ведерников

*Алтайский филиал института управления
и экономики, г. Санкт-Петербург*

СИСТЕМА АЛТАЙСКОГО ГОРНОГО ХОЗЯЙСТВА в 1830–1883 гг.

В исторической науке социальные процессы сравнительно мало рассматриваются как результаты мыслительной деятельности человека и общества. Причудливый миф о «системе алтайского горного хозяйства», бытовавший в «горном мире», является колоритным и убедительным примером сильного влияния субъективного фактора на течение социально-исторических процессов.

В 1830 г. Министерство финансов взяло в свое ведомство горнозаводскую промышленность Алтая на условиях неравноправной аренды. Вывод о таковом характере аренды сделан в исследованиях Т.И. Агаповой, А.П. Бородавкина, А.Н. Жеравиной, Т.Н. Соболевой и др. Одной из первых мер Министерства финан-

сов стало проведение «опытов» над плавкой серебряных руд с целью выяснить текущее состояние технологии производства серебра. После чего предполагалось провести успешные опыты и предпринять энергичные меры к внедрению новых технологий в валовую работу, и, наконец, блестящий успех планировалось закрепить новым указом о штатах. Реализация этих мер в обязательном порядке подкреплялась кадровой политикой. Так, в 1834 г. в рамках военизации горного ведомства была проведена кадровая реформа. В 1835 г. 29 из 89 «горных чиновников» были переведены в Корпус горных инженеров «с оставлением при занимаемых должностях» [1]. Это были выпускники высшего учебного заведения – Горного кадетского корпуса. Они все стали военными офицерами, т.е. дворянами, независимо от происхождения. В профессиональном аспекте кадровая реформа 1834 г. способствовала повышению образовательного уровня горных инженеров. В социальном аспекте Министерство финансов продолжило ту же линию вытеснения разночинцев из административного управления, которая обозначилась еще в 80–90-е гг. XVIII в. [2]. Горные инженеры становились корпорацией, т.е. социально, ведомственно и территориально замкнутой социальной общностью, совпадавшей с административным аппаратом.

Обращает на себя внимание идеология создания корпуса идеального государства, описанная в законодательстве. Как ни странно, идеология закрепляла зависимость способностей управленца исключительно от его дворянского достоинства, т.е. высокого социального статуса. Эта «блестящая» система покоилась на верноподданности дворянина, которая выражалась в точном исполнении воли просвещенного монарха, отображенной в «идеальных» законах.

На практике производство в следующий чин осуществлялось механически по выслуге лет, вместе с новым чином горный инженер получал новую должность. Поэтому типичным явлением были неудачные назначения на должности. На должностях сменялись лица. Эти сопутствующие обстоятельства систематически препятствовали сборке частных технологических улучшений в единый производственный цикл. Вот один из многих и многих тому примеров. В 1837 г. майор Соколовский производил на Барнаульском заводе опыты по проекту горного инженера полковника Родственного. Результаты этих опытов были каким-то образом «потеряны». Штаб Корпуса горных инженеров снова предписал в 1839 г. произвести опыты обработки серебристой меди серной кислотой. Эти опыты были проведены в 1840 г., о чем рапортовал горный началь-

ник Злобин. Однако в 1851 г. следующему горному начальнику А.Р. Гернгроссу пришлось наводить справки об этих опытах и их результатах. Со слов управляющего Барнаульским заводом Кованьки выяснилось, что в 1841 г. на Барнаульском заводе такого рода опытов не производилось. В 1858 г. А.Р. Гернгросс вторично собирал сведения об этих опытах у управляющих Барнаульского, Павловского, Локтевского и Змеевского заводов, но получил отрицательный ответ от упомянутых заводских контор [3]. Горный инженер, анонимный автор «Сибирской газеты», писал: «Действительно, большинство на Алтае ничего не знает об этих улучшениях, а люди знающие ничего поделать не могут, потому что не находят себе поддержки» [4]. Такого рода невнятности и неясности приводили к утрате у специалистов перспективы профессионального совершенствования, потере живого интереса к делу.

Система управления была не способна наращивать профессионализм. Вообще, горные инженеры Алтая не имели ясного представления о химических процессах, протекающих в плавильных печах, поэтому довольно долго на Алтайских заводах применялась примитивная технология. Современники интуитивно чувствовали этот «органический недостаток». Его видели в «духе алтайской администрации, которая вследствие собственной несостоятельности не рисковала обнаруживать никаких неправильных действий ни одного из членов своей корпорации» [5]. И действительно, по заведенной практике горное правление получало только отчеты о годичной производительности заводов без объяснения затруднений и без указаний на успешные нововведения. Показанная идеализация структурного способа управления в официальной идеологии по отношению к наращиванию отклонений в Алтайском горном ведомстве означала вину исполнителей. Поэтому у отдельно взятого управленца появлялись личные причины для сокрытия ошибок, происходивших не всегда по его вине. Отсюда (а не только вследствие родства) – круговая порука.

В итоге технология сереброплавильного производства не была существенно улучшена. Горная администрация в изысканном стиле объясняла это «непреодолимыми естественными препятствиями» или, например, следующим образом: «весьма трудно определить истинную причину, послужившую препятствием к достижению благоприятнейших выводов». Министерство финансов, будучи арендатором, не исходило из долговременных интересов и не стремилось к внедрению на Алтае паровых двигателей. Громадный

производственный брак (угар серебра к 1830 г. достигал 58%) был несколько снижен (до 35–44%), но в сравнении, например, с Саксонией (6–7%) оставался огромным. Горнозаводская промышленность так и осталась на мануфактурной стадии развития.

В 1846 г. Л.А. Соколовский был командирован в Петербург, в императорский Кабинет для составления новых штатов Алтайского горного округа. Штаты были, наконец, утверждены в 1849 г. Соколовский так и остался служить в Горном отделении Кабинета, лоббируя интересы «алтайцев». В свою очередь «алтайцы» буквально почитали Соколовского «отцом» «системы алтайского горного хозяйства». Он имел характерную кличку – «Кум». По легенде, Кум посредством незаконного присвоения заводских сумм сколотил состояние в 800 тыс. руб.

Корпус горных инженеров был упразднен в 1867 г., до этого Кабинет не имел де юре компетенции в проведении кадровой политики. Система кабинетского управления горнозаводской промышленностью Алтая складывалась по инерции, наращивая отрицательные последствия управленческих мер Министерства финансов.

«Смотря сквозь пальцы на грехи алтайцев, высшее горное начальство (в Петербурге) держало их этим в своих руках, могло смещать и перемещать кого и когда угодно, сажать везде своих родственников, могло не исполнять никаких законных требований, как бы исполнение этих требований ни было необходимо для усовершенствования механической стороны дела, зная, что всегда чувствующие себя виноватыми алтайцы не посмеют, что бы с ними не сделали. Подобный порядок очень часто сбивал с пути и порядочных людей...» [6].

С 1830 по 1883 г. никто из членов Кабинета не посещал Алтай с ревизией, даже несмотря на отмену крепостного права в 1861–1864 гг., повлекшую за собой наступление экономического кризиса в 1869 г. Миф о «незыблемости» установленных на Алтае порядков поддерживался могущественной алтайской горной элитой вплоть до кадровой реформы 1883 г., которая была нацелена на преодоление экономического кризиса и разрушила корпорацию горных инженеров [7]. В рамках реформы в феврале в Барнаул приехала группа горных инженеров с Урала, «варяги», заменившие отправленных в отставку «столпов» «горного мира». Тогда же, в марте 1883 г. в Барнаул пришла телеграмма о смерти Л.А. Соколовского. По этому случаю были отслужены панихиды. Возможно, в

той социально-психологической реальности в определенном контексте это событие приобретало какой-то мистический оттенок. Миф о «системе алтайского горного хозяйства» вырос на алтайской почве, но он был «посеян» официальной идеологией образца 30–50 гг. XIX в. Логика социального поведения горных инженеров являлась лишь оттиском особых идеологических штампов. Изменившиеся экономические условия требовали внедрения иной идеологии и структурных изменений алтайской администрации на ее основе.

Примечания

1. ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3675. Л. 41–42 об.
2. Ведерников В.В. Цели Министерства финансов в период аренды Алтайского горного округа (1830–1855) и их реализация в кадровой реформе 1834 г. и штатах 1849 г. // Известия АГУ. 2002. №4. С. 15–18.
3. ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4365. Л. 381, Д. 4368. Л. 2–2об., Д. 4908. Л. 44.
4. Сибирская газета. 1881. 31 мая.
5. Алтай, будущая Калифорния России и царствовавшие на Алтае порядки. Лейпциг, 1882. С. 85.
6. Сибирская газета. 1881. 8 ноября.
7. Ведерников В.В. Кадровая реформа 1883 г.: предпосылки и причины, место в реформе управления алтайского горного округа, сущность и итоги // Актуальные вопросы истории Сибири: Вторые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул, 2002. С. 168–171.